

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юнион"
состоится
АнонсВЪЕЗДНОЙ БИРЖИ
Въезды, выходы в страныСегодня в Концертном зале
Концерт Марины Ивановны ДолинойГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (95)

Март. 2016 год.

Кто за честь культуры фехтовальщик?

Фото Сергея Калмыкова.

Как-то в одном интервью меня спросили, какое качество я больше всего ценю в людях. Подумав, ответил, что назову два качества, которые должны быть в "одном флаконе", обязательно совместные — порядочность и профессионализм.

Казалось бы, к слову "порядочность" давно следует писать в скобках: устаревшее. И, тем не менее, как важно чувствовать и понимать, что имеешь дело с порядочным человеком. И профессионализм стал редкостью, так много вокруг дутых репутаций. А если эти два качества в одном человеке — цены им нет.

Татьяна Васильевна Щурова — именно из тех людей, кого я ценю больше всего, а еще точнее, люблю.

Более четверти века Татьяна Щурова возглавляет отдел искусств научной библиотеки, бывшей Горьковки. А я знаю ее, пожалуй, с 1970 года, когда она поступила работать в библиотеку.

Как театральный критик, человек театра, она приносила в "Комсомольскую искру", затем — в "Вечернюю Одессу" рецензии, творческие портреты актеров. И всегда была добра к своим героям (добрее нас, "акул пера"), она видела изнутри их тяжелую работу, неустойчивую жизнь и старалась порадовать, поддержать их признанием.

У нее были замечательные наставники в библиотеке — и Светлана Григорьева, и Ирина Шайкевич. Их уроки не прошли даром. Татьяна Щурова создала отдел — очаг культуры, отдел — клуб, где проходят выставки, презентации, общение. И в этом ее верным помощником и другом всегда была Ольга Барковская.

И еще о человеческих качествах. Я думаю, что доброжелательность, отзывчивость, надежность Татьяны Щуровой ощущали все ее коллеги, друзья, в конце концов — читатели библиотеки.

Но Татьяна Щурова — не только хранитель книг, но и автор, составитель книг. У меня на полке стоят книги о Г. Маразли, о К. Костанди и греческих художниках, второй том воспоминаний о старой Одессе Александра Дерибаса, не изданный им самим, но собранный, подготовленный к изданию Татьяной Васильевной. А разве без ее энергии увидели бы мы сборники о замечательном мастере книги В. Миненко, о выдающемся библиографе А. Тюневой?

Люблю книгу, рождавшуюся у меня на глазах, т. е. каждая ее глава публиковалась в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская", книгу очерков о периодических изданиях старой Одессы, с публикацией самых замечательных страниц, из которых и возникла книга "Благоухающий пепел".

И всё это — сражение с беспамятством, борьба за настоящую культуру, стремление поделиться знанием, красотой.

У Осипа Мандельштама в стихотворении "Ламарк" есть такие строки: "Кто за честь природы фехтовальщик? Ну, конечно, пламенный Ламарк".

Думая о Татьяне Васильевне, я чуть перефразирую эти строки: "Кто за честь культуры фехтовальщик? Ну, конечно, пламенная Щурова".

В марте Заслуженный работник культуры Татьяна Васильевна Щурова празднует юбилейный день рождения. Как не воспользоваться этим случаем, чтобы публично признаться Танечке Щуровой в любви? Не только моей, но и Всемирного клуба одесситов.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Здравствуйте!

На вашем замечательном сайте, в рубрике "Песни об Одессе", размещены мои четыре песни.

Только что мы закончили работу еще над одной песней, которая называется "Моя Одесса".

Отправляю вам информацию о песне (МР-3 и текст).

Разместите, пожалуйста, эту песню на моей страничке в рубрике "Песни об Одессе". Если она вам, конечно, понравится.

Мду ответ.

С уважением —

Олег Бухарцев.

Странно не увидеть в вашем справочнике ничего о семье Великановых. Если у вас нет никаких данных, то можно обратиться к Большой медицинской энциклопедии и прочитать о профессоре Великанове Кирилле Антоновиче, заведующем кафедрой урологии Одесского медицинского института, выдающемся хирурге, почетном одессите с 1994 года. Или о его матери — Сосоре Любови Яковлевне, доценте кафедры психиатрии. Или о его отце — также профессоре медицины Великанове Антоне Николаевиче, начальнике эвакогоспиталей Новороссийского края.

Мы, последние Великановы, цехали из Одессы в 90-е годы, но профессор Великанов жил в Одессе до смерти в 2013 г. Думаю, что есть еще в Одессе люди, которые помнят эту семью (во всяком случае, многие одесситы приезжают лечиться к нынешнему урологу Великанову Сергею Кирилловичу, хоть и в Тель-Авив). Кто-то где-то снимал про них документальный фильм (не помню, в каком году, но после 90-х). По-моему, журналистка Хургина Ирина, проект назывался что ли "Одесские дачи", то ли... не помню.

Мне бы хотелось, чтобы память о семье моего мужа осталась в одесских справочниках. Они были действительно явлением и настоящей гордостью Одессы.

Ирина Великанова.

Я занимаюсь библиографией книг об А.С. Пушкине.

Меня интересуют книги, изданные в Одессе, так или иначе связанные с этими вопросами: не только книги о Пушкине, но и о его эпохе, пушкинистах и т. д.

Найти сведения в одесских библиотеках не всегда удается...

Если вы будете помещать такую информацию (например, как дополнение к статье о том или ином человеке), буду Вам весьма благодарен (да и многие тоже, надеюсь).

А сайт у вас З А М Е Ч А Т Е Л Ь Н Ы Й!

Олег Прунов,

г. Балашиха Московской области, Россия.

Ваш Клуб согревает сердца, а это немало в такую стужу.

С любовью —

Надежда Колышкина, Мараб Брхнов.

Здравствуйте, уважаемая редакция.

К вам обращаются специалисты музея Императорской Николаевской Царскосельской гимназии (г. Пушкин, СПб).

Помогите, пожалуйста, нам связаться с Александром Бириштейном, автором статьи о нашем преподавателе Борисе Васильевиче Варнеке: <http://odessa-metody.info/index.php?id=271>.

Мы бы хотели попросить у него разрешения

на использование фотоматериалов его статьи в экспозиции нашего музея, у нас они есть, но очень плохого качества.

Заранее признательны за содействие.

Татьяна Бровкина,
замдиректора по УВР,
руководитель работ по созданию музея
Николаевской гимназии, г. Пушкин.

Елена, здравствуйте!

Обращаюсь к Вам, как к бабелеведи и знатоку соответствующего литературно-исторического контекста, за помощью. У редакции возник вопрос в связи с выражением "и никаких двадцать", оно у нас в повести Семёна Тютча "Пароход идет в Яффу", там, где оно встречается, речь об одесситах. Мы хотели бы его пояснить, но это оказалось непросто. Составитель книги обращалась к старым одесситам, но безрезультатно. При поиске в Интернете я его нашла в одноименном фельетоне М. Кольцова, но нигде никаких пояснений, что оно означает. Простейшая версия — что этот фразеологизм синонимичен выражению "и никаких звезд". Хотела бы уточнить у Вас: не встречалось ли Вам это выражение?

Заранее очень признательна.

Виктория.

Дорогой Евгений!

Очень приятно получить от Вас письмо, т. к. о Вашей большой и ценной работе я знаю давно и по книгам, и по отзывам хороших людей.

Да, интересно получилось с этой надписью Базицкого Поступальскому. В моем распоряжении — машинопись, где текст надписи был вписан старческой рукой Поступальского и был совершенно нечитабельным. Но вот попросили и Ваша публикация, и альбом Сеславинского...

Кстати, очерк Поступальского о Базицком не имеет отношения к архиву М. Зенкевича. Эта бумага попала ко мне недавно и случайно.

Что касается Вашего лестного предложения, то, может быть, какой-то сюжет, близкий к Одессе, появится в будущем. Пока под рукой ничего конкретного нет.

Но я буду на связи.

С глубоким уважением —

Сергей Зенкевич.

Дорогой Евгений Михайлович, добрый день. Получил вчера альманах — спасибо большое!

Порадовали не только Ваши материалы, но и замечательное, достойное полиграфическое воплощение сборника, приятно держать в руках.

С уважением —

Михаил Сеславинский.

Уважаемый Леонид Менделевич. Благодарим за сайт "Они оставили след в истории Одессы"! Посмотрели, нам приятно! Мы отправили администратору нашего сайта ссылку на ваш сайт, что бы на нашем сайте был выставлен ваш баннер. Таким образом, будем делиться с людьми позитивом. Будете здоровы, мира Вам и творческих успехов.

С уважением —

Валерий и Ксения Черкасовы.

Ленечка, большое спасибо! Хорошо, что мы сумели все вместе поставить памятник хорошему человеку. Этим мы еще раз подтверждаем, что одесситы не оставляют в беде ни-

кого, даже ушедших в мир иной! Да здравствует Всемирный клуб одесситов! Да будет так всегда!

Обнимаю, всяческих успехов тебе и твоей семье.

Твой Тарих Ценный.

Спасибо, Леня, за заботы.

Так и должен работать клуб. Помогать друг другу, общаться, веселиться. Как ты проводишь Новый год? Проводит ли клуб в Одессе новогодние встречи?

Я не успеваю все здесь организовать. Членов уже 48, и все ждут от меня инициатив, организации их досуга. Ты это, уверен, знаешь лучше меня. Пока нет людей, которые взяли бы на себя и сделали.

Появился в Мельбурне человек, который хочет, но ждет моего приезда. Надо поговорить с тобой о том, как это ты решаешь у себя.

А вот и новый член, у которого даже компьютера нет не только, что денег нет, а потому, что он "бесплатен". А посему и электронной почты нет. Принимай на мою.

В идею клуба верит с трудом, но решил войти, веря в то, что "безумец Валк", может, что-то и сделает с клубом.

Обнимаю.

Тарих Валк.

Уважаемый г-н Рукман, я имел честь сегодня беседовать с Вами по поводу междугородного клуба одесситов.

Кратко представлюсь: Проценко Олег Дмитриевич, 27.10.32 г. р., окончил Одесский госуниверситет в 1956 г. — факультет физмат. Профессор, д. э. н., Заслуженный экономист РФ, член Европейской Академии наук и искусства, работаю в Академии народного хозяйства при правительстве с 1980 г. (первый проректор) до настоящего времени. Сейчас являюсь советником ректора РАНХиГС при президенте РФ.

Был бы Вам признателен за информацию о клубе, членом которого желал бы быть.

Желаю успехов Вам и членам клуба.

О. Проценко.

Помогите, пожалуйста, приобрести книгу А. Бириштейна "... мадам Берсон".

Я нахожусь в г. Сумы. Оплатить через банк "Южный" нет возможности.

Может, есть вариант наложенным платежом.

Наталья Борзых.

Здравствуйте, Леонид!

Спасибо, что откликнулись.

А автограф автора через Вас уже реально получить?

"Наталье от ... (автора). Пусть мадам Берсон и ее сородичи всегда наполняют души солнцем!"

Вот у меня именно такие впечатления от книги. Передайте, пожалуйста, мои слова Александру Иосифовичу.

Мне так хорошо только от Бунина было. Ну, Вы меня понимаете. Душевно в смысле.

Низкий поклон господину Бириштейну.

И Вам, что возитесь со мной, низкий поклон.

Дорогой Леонид, прошу прощения за непротестительно долгую задержку с ответом, срочные обязательства заставили меня надолго отвлечься от почтового общения.

Я обязательно разотню информацию о сайте, а сейчас отсылаю Вам всякие материалы об Авенире Ивановиче Уёнове, думаю, из них можно сделать хорошую и захватывающую информацию.

Остаюсь на связи, с надеждой на хорошие общие мероприятия.

Искренне Ваша —

Ирина Толубович.

Здравствуйте, уважаемые создатели биографического справочника!

Хочу попросить вас о помощи: может быть, вы знаете, где взять информацию о двух выдающихся личностях, живших и работавших в Одессе.

Мы живём в Крыму, в Ялте. Далеко от города, в лесу, находится старинное кладбище, которое мы с сыном пытаемся исследовать. Оно в основном разрыто и разграблено, но некоторые надгробия сохранились. Среди них — надгробный памятник Александру Егоровичу Саломону, выдающемуся энтомологу, профессору, автору учебников по виноделию. Саломон был председателем Одесского филлоксерного комитета, инспектором виноделия юга России. Умер он в 1904 году. Но в метрических книгах ближайших к кладбищу храмов нет записи о его смерти. Наши краеведы говорят, что, возможно, умер он в Одессе, поскольку последние годы жизни работал в основном там, а хоронить его привезли в Массандру. Мне это представляется маловероятным, но всё может быть, поэтому ищу информацию. Ещё интересно, не играл ли он на скрипке или виолончели, потому что огромный его памятник очень напоминает по форме музыкальный инструмент.

Ещё на этом кладбище была могила личного врача М.С. Воронцова Джона Праута, того самого, о котором в альманахе на вашем сайте есть статья и который в 1840 году был удостоен медали "За прекращение чумы в Одессе". Пока что мы могли не найти, возможно, она и не сохранилась. Но неоспоримые доказательства того, что она существовала, и даже текст надгробной надписи есть в литературе. И снова загадка: отсутствие записи в метрической книге. Хотелось бы узнать, какого вероисповедания был Праут. Постараемся найти метрические книги по другим церквям. Будем благодарны за информацию об этих людях. Мы, в свою очередь, готовы поделиться результатами своих исследований.

С уважением —

Светлана Пенягенова,
Андрей Пенягенов.

Добрый день, Елена Павлова.

Меня зовут Владимир.

Обращаюсь с нестандартным вопросом.

Мы разыскиваем родственника Чека Юрия Владимировича.

Хотел уточнить, есть ли у клуба его контактные данные: мэйл, телефон, адрес?

Может, он поддерживает контакты с кем-либо из клуба, с кем бы мы могли связаться?

Или же Вы, как администратор, согласитесь переслать ему письмо?

Будем ждать ответа.

Спасибо.

Дорогие коллеги!

Пусть все беды, заботы и неприятные хлопоты останутся в прошлом!

Пусть впереди будут только свет, надежда и её многочисленные земные реализации!

Счастья, здоровья, удачи вам и вашим близким! Всем — мира: в душе, в доме, в мире! Одесситы всех стран — соединяйтесь!!!

С глубоким уважением —

А.В. Кириченко,
коллектив Клуба одесситов
Санкт-Петербурга.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Игорь РОЗОВ

«Слепая» экономика

Прошлое...

Было это давно. Лет 25 назад, если только память не изменяет... Я пришел по каким-то делам к директору отделения тогдашнего Института экономики АН Украины Борису Владимировичу Буркинскому. В приемной меня попросили подождать. Объяснили: в кабинете идет встреча с собственником фирмы «Либхерр». Обсуждают строительство нового корпуса на «Январке». Собираются с европейцами строить новый кран.

О планах швейцарцев и «Краяна» — так тогда окрестили новое производственное объединение — слышал. А вот увидеть и поговорить с предпринимателем такого уровня и мечтать не смел. Удача! Буркинский вышел из кабинета проводить гостей и с ходу усек мое страстное желание. Словом, около часа длился разговор, тема которого сводилась к следующему тезису: утопией надо считать превращение города-миллионника в туристический и курортный центр.

Гость явно хорошо подготовился к визиту и встрече со своими партнерами. Услышав, что я из «Вечерней Одессы», он иронично прокомментировал несколько статей, опубликованных в нашем «Экологическом клубе». И не без ехидства поинтересовался: «А чем журналисты-экологи собираются занять население восемь месяцев в году? Море теплое у вашего побережья с мая по сентябрь, если не ошибаюсь...»

Дискуссия о том, в какую сторону развиваться экономике Одессы, шла не только на страницах «Вечерки». Кто-то утверждал, что будущее «Южной Пальмиры» — в создании комплекса предприятий по выпуску элементной базы полупроводников, а потом и переход к выпуску отечественной электроники. И указывали на два объединения: «Сопротивление» и «Нептун», которые трудились на «оборонку».

Другие утверждали, что процветание связано с развитием фармацевтической промышленности, ибо местные химики благодаря усилиям академика Богатского и его учеников сумели пробить создание научно-исследовательского института в структуре украинской Академии наук.

Третьи требовали не брать в голову идеи первых и вторых, а сосредоточиться на образовании мощного центра станкостроения и машиностроения, скромно напоминая, что четверть всего точного станкостроения Советского Союза производится в Одессе.

«Надо, — говорили они, — объединить «радиалку», завод фрезерных станков имени Кирова, «Микрон». Избавиться от дублирующих подразделений, скооперировать конструкторские и технологические силы, чтобы, в конце концов, стать конкурентами и в Европе, и в остальном мире...» Правда, все хором признавали: электронику, разумеется, пока придется брать японскую. Своей, увы, нет.

О чем точно не спорили, так это о судьбе Черноморского пароходства. Судходная компания развивалась независимо от одесситов и была обеспечена работой товарами не только со всего Союза, но и окружающего мира.

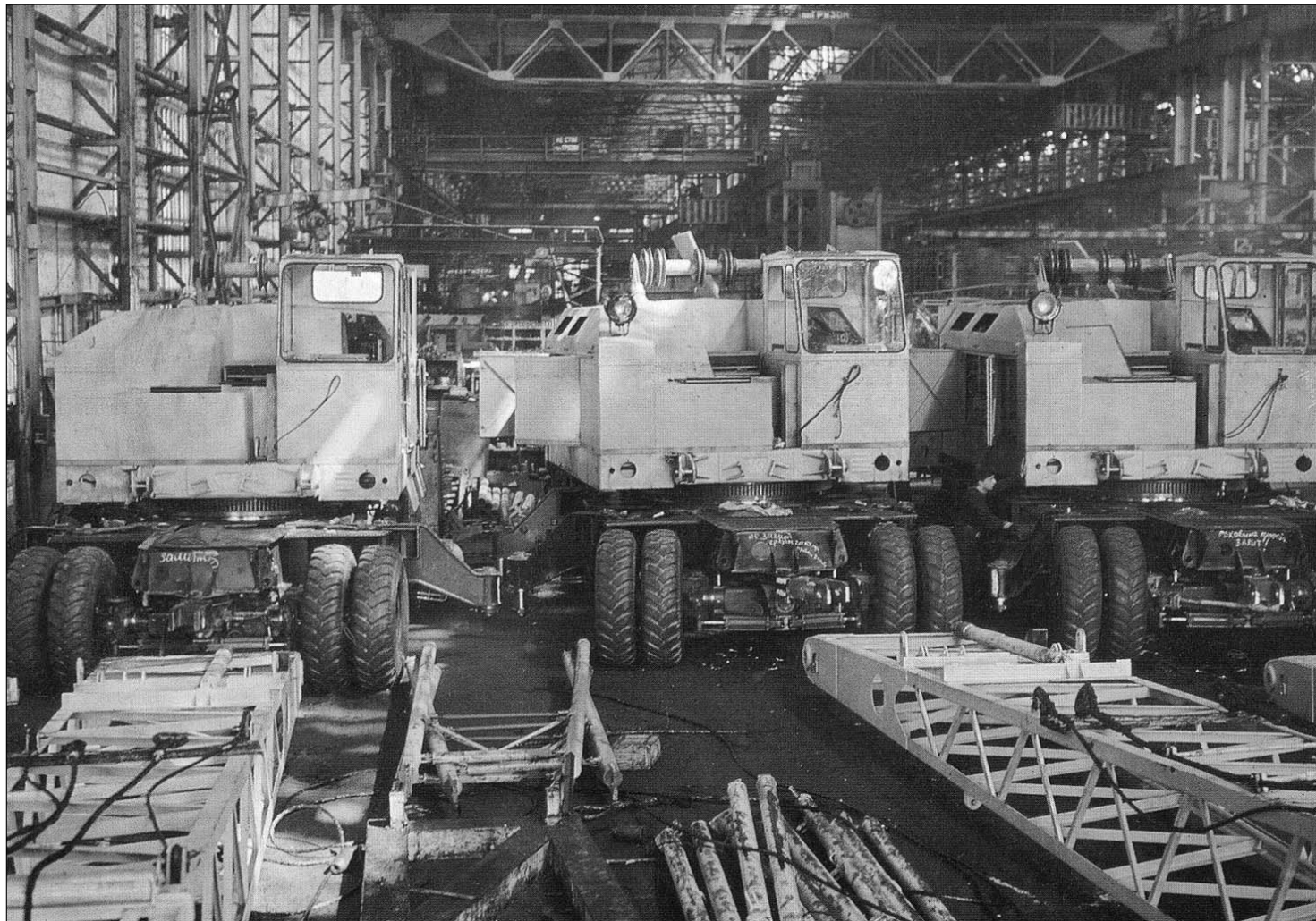
Впрочем, кроме перечисленных выше отраслей в городе существовали такие отрасли производства как перерабатывающая и кондитерская. Продовольственное машиностроение. И, понятно, ЗОР, выпускающий сельхозтехнику. А неподалеку от Одессы зарабатывал свои миллионы на экспорте карбамида припортовый завод.

Словом, если говорить языком современности, то налоговая база «Южной Пальмиры» и Одесчины чем-то напоминала украинский чернозем. Куда ни воткнешь черенок, обязательно пойдет в рост плодородное дерево.

Настоящее...

К чему я начал с прошлого? Да к тому, что без знания истории экономики и промышленности Одессы, без анализа того, что было и что исчезло, трудно разобраться в дне сегодняшнем. А тем более — делать прогнозы. Не собираюсь идеализировать ушедшие годы. Промышленность города повторила судьбу развалившегося Союза. И, замечу, не только по причинам политическим.

Предприятия в своем большинстве были ориентированы на производство товаров внутри государства. И лишь некоторая, достаточно мизерная часть товаров могла конкурировать на внешнем рынке. Та же «радиалка» работала в основном на страны СЭВ: Польшу, Венгрию, Болгарию, Румынию, частично — Чехословакию и ГДР. Чутко — на Азию и Африку. И только отдельные, так сказать, единичные экземпляры попадали на рынки Европы и Канады. Это тоже приносило деньги.

Ордена Трудового Красного Знамени завод тяжелого краностроения имени Январского восстания. 1978 г. Фотография из проекта OLD.ODESSA.UA.

Но говорить о полноценной конкуренции — нет смысла. Без серьезных структурных перемен, реформирования экономики и финансового сектора для перехода на рыночные «рельсы» обойтись было невозможно. Следовательно, шаг первый — это не разрушение, а реформы. С пониманием того, что неизбежны потери отдельных отраслей, обязательно появление безработицы. Но рецепт ухода от появления лишних рабочих рук существовал. Его подсказала реформа угольной промышленности, проведенная Маргарет Тэтчер в Великобритании.

Помните? Закрывались бесперспективные шахты. Предлагался досрочный уход на пенсию с серьезным денежным «бонусом». Открывались учебные центры для переподготовки специалистов для предприятий новых отраслей. Желающим заняться бизнесом выделялись под низкий процент кредиты. Крупные корпорации, занимающиеся выпуском высокотехнологичных изделий, стимулировали для открытия таких производств в шахтерских районах.

Понятно, что без коррекции на местную ситуацию не обойтись. Но в конечном итоге без таких решительных шагов сохранить промышленный потенциал миллионной Одессы было невозможно. Впрочем, этот вывод я распространяю и на всю страну, на Украину.

Трагедия настоящего лежит в прошлом. За двадцать с лишним лет Украина так и не сумела определить свое место в мировой экономике. Допускаю, что вина здесь лежит на плечах политиков. Отбросив в сторону очевидные истины наших дней, такие как воровство, взяточничество, коррупция, подчеркну, что ни одна влиятельная украинская партия не сумела создать внятную экономическую программу. Ни одна!

Те же сокрушенные вторым Майданом «регионалы» не морочили себе голову видением будущего промышленной Украины. Они, скорее, заботились о переделе собственности конкурентов и окончательной приватизации остатков государственной в свою пользу, нежели судьбой страны в экономической сфере.

Мне приходилось наблюдать за работой Одесского областного совета четыре последних года. Каждый раз, когда в секретариате мне, как депутату, выдавали очередной план (программу) социально-экономического и культурного развития региона, я так и не находил в этих документах четких и реальных шагов со стороны власти. Впрочем, иллюзий никогда не питал. Традиция размножать бумаги — это старая привычка, осевшая в мозгах бюрократов еще со времен брежневского «застоя».

Особенно умиляло желание властей создавать специальные экономические зоны. В разные времена в партнерстве с разными

странами. То с китайцами, забывая, что в этой стране предпочитают вывозить за рубеж в таких случаях собственную рабочую силу, а не приглашать местных. То с какими-то мифическими европейскими компаниями, о которых трудно найти хоть какую-нибудь достоверную информацию.

Та же ситуация присуща и городской думе. Здесь в разные времена мэрия фантазировала куда круче, нежели их губернские коллеги. Результат одинаков и для первых, и для вторых.

Если в конце восьмидесятых — середине девяностых дискуссия шла о выборе приоритетных отраслей промышленности, то сегодня все мы являемся свидетелями горячих споров о том, может ли Одесса стать второй Венецией или Барселоной. Ну, на худой конец и Варна сгодится!

Туризм, отдых, индустрия развлечения — вот темы постоянных споров в одесском сегменте того же «Фейсбука». Иногда, правда, вспоминают порты. Но только с одним уточнением: много или мало ожидается заходов круизных лайнеров.

С карты промышленной Одессы напрочь исчезли «январка», «радиалка», «Прессмаш», завод фрезерных станков имени Кирова, ЗОР. Понятно, что не все они смогли бы выжить в условиях рынка. Но терять специалистов-металлистов (это я о слесарях и станочниках), технологов и конструкторов — преступление. Сегодня днем с огнем не отыщешь таких профессионалов. Часть из них уехали в Европу и США. Другие пытаются выжить, занявшись торговлей.

Основным источником в структуре ожидаемой добавленной стоимости — той, что создана на предприятиях региона — в 2014 году стали транспорт, складское хозяйство, почтовая и курьерская деятельность в размере почти 23 процентов. Далее идет оптовая и розничная торговля — около 14 процентов. Следом — перерабатывающая промышленность: порядка 12 процентов. Потом — операции с недвижимостью: 10 процентов. И, наконец, сельское хозяйство — 9 процентов.

Любой человек, обладающий логикой, поймет, глядя на эти цифры, что количество занятых в перечисленных сферах явно не покрывает потребности в работе большей части населения как в Одессе, так и в области.

Будущее...

Понятно, что никто свою долю на мировом рынке Украине не отдаст. Это, между прочим, видно уже по первым результатам работы в рамках договора об Ассоциации с ЕС. Квотирование неизбежно как раз для тех отраслей экономики Украины, которые разрушают

сложившийся баланс интересов в том же аграрном секторе Европы.

Следовательно, надо попытаться использовать те преимущества Украины, без которых мировой экономике не обойтись. Говорю, прежде всего, о транспорте, о логистике. Удобное географическое положение, наличие крупных портов, достаточного количества складских помещений — вот что выделяет Одессу из других городов страны.

Но если это так, то следующим шагом может быть создание предприятий транспортного машиностроения. Вместо туманных мечтаний о «свободных экономических зонах» стоило бы «пробить» через парламент безналоговые «каникулы» для западных концернов, производящих специализированную технику. Начиная от погрузчиков и завершая «линейкой» портовых кранов. Пусть пока на уровне сборочного производства!

Если мы стремимся привести в порядок дороги, которые смогли бы реанимировать те десять европейских транспортных «коридоров», где присутствуют Одесса и область, то почему бы не втянуть к нам и производителей дорожной техники — на тех же условиях, что и отрасль транспортного машиностроения? Причем упор сделать на производителей, к примеру, из Тайваня, которые не столь активно присутствуют в Европе и странах постсоветского пространства.

Два-три новых крупных предприятия в Одессе потянут за собой развитие мелкого и среднего бизнеса. А это уже оживление потребительского рынка, который сегодня еле-еле дышит.

Особый упор стоило бы сделать на реанимацию Украинского Дунайского пароходства и модернизацию тамошних речных портов. Большая часть украинского пассажирского флота на Дунае сосредоточена, увы, за пределами страны. Его техническое состояние, понятно, уже не то, что было лет тридцать назад.

Но строительство речных круизных лайнеров — это тоже часть общей реанимации национальной экономики. И одесской — в частности. Раз это так, то вот еще одна общенациональная задача, которую обязаны поставить перед собой как амбициозная областная власть, так и городская дума «Южной Пальмиры».

Понятно, что многие добавляют к этим предложениям и создание центров для разработчиков программного обеспечения, помечают о строительстве в Одессе собственной «Силиконовой долины». Допускаю, что это вполне реальные проекты. Но они, как и описанные выше, в прямой зависимости от действий Киева. От тех чиновников и политиков, которые обязаны предложить гражданам своей страны свое видение экономики. К сожалению, подобных планов, видать, еще не написали. Плохо: время уходит...

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ Гавань Витрувия и де Волана

"Не следует обходить молчанием вопрос об удобном расположении гаваней".
Витрувий. De architectura

Известно, что при планировке и начале строительства будущей Одессы и ее порта Франц де Волан использовал совершенно конкретные рекомендации Витрувия, содержащиеся в его трактате "De architectura". Можно даже сказать, что этот трактат послужил ему учебно-методическим пособием.

После взятия Хаджибея де Волан проводил "работы по измерениям рейда...", и "план основания Одессы (...) был выработан исподволь, систематично, основательно". Эти наблюдения и были обобщены им в его "Записках..." в Сенат. И Хаджибейская бухта, по его мнению, оказалась оптимально приспособленной для устройства гавани. Ведь "...если сами природные условия создают удобное расположение для гаваней, — пишет Витрувий, — если имеются выдающиеся (...) мысы, благодаря которым будут образовываться внутри естественные изгибы или завороты, в таком случае такие гавани имеют громадные практические удобства".

По мнению Витрувия, при выборе места расположения гаваней "надо объяснить, каким способом в них корабли защищаются от бурь". Так, и де Волан в своих "Записках" считает нужным разъяснить: "...Льды там не могут ни малейшего вреда в течение воды оной занести. Судходство может происходить весь год со всеми ветрами. Пункт сей представлял в то же время удобство подкрепления и убежища действующим флотам в военное время и гавань для торговли, ибо "неприятельскому флоту залив сей служил местом убежища и пристанища", и поэтому "завладение оным крайней было важности...".

"Надлежит тщательнее производить изыскания для выбора самых умеренных по климату местностей, когда будет поставлен вопрос о здоровых условиях при месторасположении городов", считает Витрувий. Именно "выбор места, самого что ни есть здорового" — первый принцип, которым, по его мнению, следует руководствоваться при закладке города. "Таковым будет место высокое, не подверженное ни туманам, ни заморозкам, — место, обращенное в сторону не жарких и не холодных, а умеренных стран света. Затем при выборе здорового места предстоит избегать соседства с болотами... Точно так же, если городское поселение будет расположено вдоль моря и обращено к югу или западу, то оно будет находиться не в здоровых условиях, потому что в летнюю пору южное небо с восходом солнца раскаляется, а в полдень горит жаром; равным образом и поселение, обращенное к западу, на восходе солнца нагревается, в полдень раскаляется, а к вечеру пышет жаром".

Таким требованиям Витрувия на берегу избранной де Воланом Хаджибейской бухты отвечает лишь ее южная сторона — именно она обращена "в сторону не жарких и не холодных, а умеренных стран света", к морю, на север, с незначительным отклонением к востоку. Морской берег на этой стороне достаточно высок и отдален от болот. Именно на этом, южном, участке бухты в соответствии с рекомендациями Витрувия де Волан "произвел топографическую съемку местности и создал первый план города и порта".

Однако еще ранее де Волан проводит тщательные гидротехнические изыскания в Хаджибейской бухте, которые показали, что глубина воды в ней не превосходит 42 футов (12,8 м), причем она наибольшая — напротив нынешнего мыса Ланжерон. В остальных частях бухты эта глубина, начиная с 30 футов (9,15 м) на расстоянии от берега около 400 саженей (853,6 м), быстро становится все меньшей по мере приближения к северной части бухты, где образуется обширная отмель глубиной менее 24 футов (менее 7 м). Это создает опасность для прохождения и маневрирования здесь судов с глубокой осадкой. Безопасный вход в бухту располагался лишь со стороны юго-востока.

Поэтому Одесса оказывалась уязвимой для вражеского флота лишь со стороны мыса Ланжерон. Именно на нем, к востоку от города и порта, де Волан и располагает основную крепость. Крепость должна была препятствовать прохождению неприятельских кораблей в залив. Если же они все же попадали в залив, то могли приблизиться к берегу лишь в районе другой крепости — Малого жете, расположенной на месте бывшего Гаджибейского замка. Она защищала вход в гавань.

Гавани "...надо строить с таким расчетом, — пишет Витрувий, — чтобы они больше всего были обращены к северу; южные же стороны благодаря жару содействуют появлению гниения, а также родят и вскармливают тлю,

сверлячков [точильщиков] и другие виды вредных животных".

Можно видеть, что на "Плане города Гаджибея" порт обращен к северо-востоку. И вход в него де Волан устраивает именно с северной стороны. Потому что, если "ориентация на определенную часть света будет выполнена правильно", то строения, как уже говорилось, "будут предохранены от действия ветров".

Действительно: Одесский порт расположен де Воланом по отношению к городу таким образом, что "высокие обрывистые берега укрывают воды от ветров с юго-юго-востока до северо-востока. С моря все ветры от NO через O до SSO имеют к нему совершенно свободный доступ. Из них наиболее опасны юго-восточные, производящие самое глубокое волнение. Береговые ветры, дующие с N до NO, никогда не вызывают сильного волнения".

Можно видеть, что город на высоком обрыве защищает порт от самого опасного и "вредоносного" ветра — Кавра. Но порт совершенно беззащитен перед не менее "вредоносным" Эвром — юго-восточным ветром, "отягощающее воздействие" которого усиливается "самыми глубокими волнениями".

Осознавая это, де Волан видит свою первоочередную задачу в укреплении гавани с самой опасной юго-восточной стороны, для укрощения "вредоносного" Эвра и "самых глубоких волнений". Поэтому именно здесь он начинает строить первые и самые мощные молы. Таким стал нынешний Карантинный (Платоновский) мол. Он задуман как самый длинный, полностью ограждающий порт с юго-востока, востока и северо-востока. А от возможных воздействий "вредоносного" Кавра порт с северо-востока защищает Военный мол. Сам вход в порт размещен с севера — сюда дует лишь здоровый северный ветер Септентрион, который не вызывает сильного волнения.

И когда "только с одной стороны будет бухта (место для стоянки), то тогда надо (искусственно) соорудить молы или из камней, или насыпями и, таким образом, устраивать ограды гаваням". А уже в гавани "следует строить портики или корабельные верфи либо проходы из гаваней к товарным складам".

Де Волан так и поступает. В 1794 г., "получив (...) приказ незамедлительно начать строительные работы в Одесском порту, мне пришлось (...) вернуться на берега Черного моря, где меня ждал адмирал де-Рибас (...) Я обнаружил заботами адмирала де-Рибаса уже достаточно материалов, готовых для начала работ по строительству молов, дамб порта, различных складов, временных строений для карантин и казарм на 12 тыс. человек. Отряды матросов были размещены в каменных сооружениях". И, как известно, уже в 1795 году в Одесском порту были готовы три верфи для постройки и ремонта кораблей, три больших товарных склада и один большой соляной склад. Также была проведена нивелировка пристаней вдоль порта с террасами для складов. Все это, как можно видеть, делалось по "учебнику" Витрувия. Дополнительно были построены четыре казармы — "жилье для войск и работников", карантин, таможня и другие помещения.

Но самой главной и трудной задачей при строительстве порта для де Волана было, "сообразуясь с гаванями Неаполя, Ливорно, Акконы и Генуи, построить мол, и, производя в рассуждении сего надлежащим рассматривания удостоверившись, что мол сей доставит все прочие удобства, принадлежащие к военной и купеческой гавани". И действительно: к концу 1795 г. были готовы фундамент малого мола длиной 130 туазов, до 19 м глубины в море, а также плотно заполненный фундамент большого (Платоновского, — А. Д.) мола порта продвинутого в море на 50 туазов. Также построены две тали в море для швартовки кораблей.

При строительстве этих молов де Волан применил так называемый "ряжевый метод". Суть этого метода в том, что изготовлялись деревянные срубы, загружались камнями и песком и затопливались в нужном месте. "Прямо на плаву строились ящики-баржи по ширине мола и высоте — на сажень выше уровня моря. Ящики постепенно засыпались камнем и притапливались один за другим, образуя тело мола. По бокам забивались мощные сваи. Сверху насыпался щебень, укладывалась мостовая, возводились заградительные от волн с морской стороны стены, и, — мол готов". Так пишет Н.Г. Глеб-Кожанский в комментариях к "Очерку моей службы в России" де Волана. Комментатор считает, что такой метод был изобретен самим де Воланом в Одессе.

Напротив, знаток местного градостроительства В.А. Чарнецкий полагает, что "нет никакой надобности приписывать де Волану

изобретений или открытий, которые он никогда не совершал, — подобные мифологемы только оскорбляют память этого замечательного человека". В статье "Загадка Деволана" патриарх одесского краеведения приводит множество примеров, показывающих, что такой метод издавна применялся при постройке портовых сооружений в Европе и Америке, а в России — еще в петровские времена.

Снова обратимся к Витрувию. "...А каменные сооружения, которые должны быть в воде, следует делать вот как: надо привезти путеоланский песок из тех областей, которые простираются от Кум до мыса Минервы (нынешний Неаполитанский залив, — А. Д.); этот песок следует перемешать с раствором извести так, чтобы было два на один. Затем в определенном месте следует опустить в воду и крепко утвердить обитые досками и скрепами четырехугольные клетки... — пишет он в главе "О гаванях и сооружениях на воде", — пространство внутри этих клеток (...) заполнить камнями, песком и цементом (...) затем с боков этой дамбы построить стенки (борта) одинаковой высоты с поверхностью дамбы".

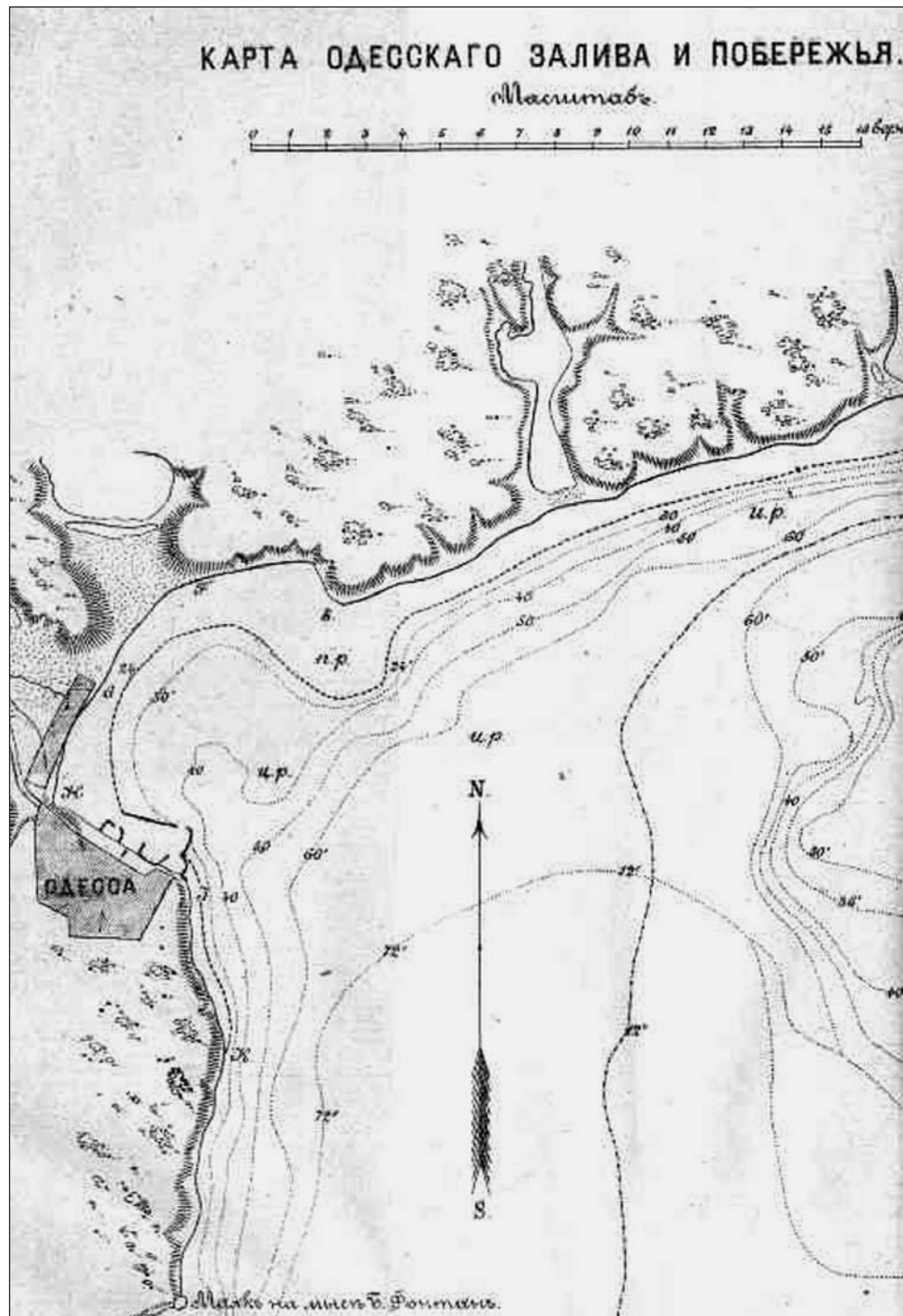
Упомянутый "путеоланский песок" "совершенно изумительным путем производит изумительное действие. Месторождение его (...) в краях, лежащих около горы Везувия. В соединении с известью и битым камнем он придает свойство нерушимой крепости не только всяким вообще постройкам, но приобретает незыблемую твердость даже сооружаемые на море молы". Камни же, добываемые у Везувия, "обладают поистине (...) неоценимыми достоинствами. Ни атмосферическое влияние заморозков, ни касания огня не в силах им повредить, но, вопреки всем вредным воздействиям, они остаются незыблемыми и продолжают сохранять свою вековечность, ибо по своему природному составу они в слабой пропорции содержат доли воздуха и огня, в средней пропорции доли влаги и в наибольшей пропорции доли земли (...) будучи консолидированы из плотно сомкнутых составных частей, они не поддаются вредоносным действиям ни атмосферных влияний, ни силы огня".

Известно, что в Римской империи эти рекомендации соблюдались очень тщательно — молы в гаванях большинства средиземноморских портов: Остии, Милета, Карфагена, Александрии и др. — возводились подобным "ряжевым" способом. Но главное то, что римляне стремились их строить именно из песка и камней, добытых в районе Везувия. Такие же волноломы найдены и при подводных археологических исследованиях в разных местах Черноморья. Известно, что римские корабли развозили лаву и песок из-под Везувия по всем портам империи.

Можно видеть, что Франц де Волан при строительстве молов и волноломов Одесского порта использовал "ряжевый" метод, который был рекомендован еще Витрувием. Но сказанное означает и иное.

Хорошо известно, что вся Одесса начала моститься камнями везувийской ("неаполитанской") лавы уже со времени ее основания. Эти лавовые вымостки на одесских улицах сохранились до сих пор в тех местах, где их не уничтожили последующим строительством. Они действительно необычайно прочны и, по словам Витрувия, "остаются незыблемыми и продолжают сохранять свою вековечность". Ранее принято было считать, что лавовый камень привозился из Неаполя в Одессу лишь вынужденно — как балласт для порожних судов. Потом его некуда было девать, а потому приходилось использовать для мостения.

Если это так, то почему же он привозился лишь из Неаполя, из-под Везувия? Становится ясным, что де Волан, следуя советам Витрувия, специально позаботился о том, чтобы вынужденным балластом оказался именно такой камень (а возможно, и "путеоланский песок"), который был бы самым прочным для строительства и мостения одесских улиц. Этим он обеспечивал "необычайной силы твердость", "незыблемость" и "вековечность" всех сооружений порта и города. Наверное, эти советы Витрувия оказались по душе и Иосифу де Рибасу, — ведь Одесса строилась и мостилась из камней его родины — Неаполя.

Олеся МАМИЕНКО

Иван Цихович, смотритель маяка

В этом году, 21 марта, исполняется 60 лет с того дня, как Иван Цихович заступил на службу. Свое призвание 81-летний Иван Тимофеевич описывает кратко: мол, его главная миссия — спасать заблудившихся в тумане моряков. Не счесть судов, которые нашли верную дорогу благодаря смотрителю маяка. Особенно памятен смотрителю 1972 год. Тогда случился сильный перепад температур, разница между плюсовым и минусовым показателями составила целых 37 градусов, и над морем повисло такое марево, будто оно закипело. В условиях нулевой видимости румынский теплоход «Моздок» столкнулся с болгарским танкером «Лом».

— Морозный туман стоял стеной, ничего не было видно, — вспоминает Иван Тимофеевич. — Капитан «Моздока» вышел из порта и не заметил стоявший на якоре «Лом» недалеко от маяка. Грохот был такой, что за несколько миль, наверное, слышали.

Танкер перевозил дуст. После столкновения с теплоходом он взорвался, и тонны опасного груза легли на дно. На «Ломе» погибли 24 человека. А пассажирам теплохода «Моздок» удалось спастись. Иван Цихович, услышав взрыв, начал подавать тревожный сигнал на маяке. На глухой гул сирены прибыла спасательная служба, а экипаж пересадил пассажиров в шлюпки и, ориентируясь на огни маяка, доставил их на сушу.

— Я в свободное время иногда ловил рыбу, креветок, крабов, но с тех пор, как дуст попал в воду, крабов в море не стало, — говорит Иван Цихович, — и не было почти 40 лет, пока водная среда не очистилась от этих отравляющих залежей.

Для смотрителя маяк давно стал добрым товарищем. Между тем в молодости ничто не предвещало, что судьба забросит его туда: Иван Цихович учился на портного. А на маяк попал после армии, где служил радистом. И пока Ивану Тимофеевичу не выделили служебное жилье на берегу, сторожевая каморка маяка 30 лет заменяла ему дом.

— Молодежь ищет в моей профессии романтику, — улыбается он. — Но, поверьте, романтикой здесь и не пахнет. Жизнь у моря сурова, требует осторожности и крепкого здоровья.

Иногда одесситу приходится сутками сидеть в 26-метровой башне маяка. А жена Галина, хоть и привыкла к особенностям его работы, волнуется, поглядывает с берега в бинокль. (Кстати, бинокль не морской — театральный: он остался у Галины с того времени, когда она работала в театре буфетчицей.) А не дождавшись мужа домой, жена смотрителя собирает провизию и несет ему обед — вопреки своему страху.

— Сколько раз мы вдвоем исходили этот мол, — улыбается Цихович. — Но даже теперь, стоит ступить на узкую дорожку, она хватает меня за руку и дрожит. Бойтся, даже когда брызги такие, что только юбку могут намочить.

Зимой по 700-метровому бетонному молу, ведущему к маяку, пройти нелегко. Он сплошь укрывается медузами и ледяной коркой, так что легко поскользнуться. К тому же мол со всех сторон омывается волнами. В это время года Иван Тимофеевич обувает ботинки с шипами, вооружается посохом и веревкой. Когда море штормит, лучше не риско-

вать. Однажды Иван Тимофеевич чуть не утонул, спасая товарища, упавшего в воду. Благо, из воды обоих вытащили матросы, оказавшиеся поблизости. А однажды сам свалился с мостика в ледяную воду, но сумел забраться на льдину и доплыть на ней до берега. В морозы приходилось топором проламывать себе путь и отогревать кипятком замерзшие замки на двери, ведущей в аппаратную комнату.

— Это сейчас я могу пользоваться автоматикой, наутофонами, даже дистанционно управлять маяком, — говорит Цихович. — А раньше ночь напролет мог бить в колокол, чтобы суда не плутали. Да и теперь я не особо доверяю современной технике, все равно боюсь на всякий случай.

Каждый день Иван Тимофеевич несколько раз проходит 135 ступенек по винтовой лестнице вверх, в сердце маяка. Несмотря на возраст, одолевает их за две минуты. Цихович сам ремонтирует маяк, чинит проводки, дизель, он здесь и за маляра, и за уборщика. Чего только не довелось повиждать за долгие годы с верхушки трапа, ведущего к колбе с фонарем, указывающим путь мореплавателям.

— У этой лампы есть дублер, — с гордостью говорит Иван Тимофеевич. — Если пропадет свет или случится поломка, она сможет светить четверо суток, подзаряжаясь от аккумулятора.

Цихович и резвящихся в море дельфинов научился понимать, и погоду предсказывать по облакам, ветру и оттенкам заката. К примеру, он знает, что днем к хорошей погоде ветер дует с моря на сушу, а ночью — наоборот. А вот если волна идет не по ветру и усиливается, быть ненастью.

— Как-то перед бурей я решил залатать дыры в маяке и полез с инструментом наверх, — вспоминает Иван Цихович. — Вижу — трое на резиновой лодке: мужчина и двое мальчишек. На берегу к ним подсели еще двое, и они вместе отправились в море. По всем приметам должен был начаться шторм. У меня сердце екнуло: с ними что-то случится! А уже вечером в новостях показали, что в той лодке погибли отец и его сыновья.

За время службы Циховича приключалось несчастье и с самим маяком. В 90-е годы израильское судно с разгону врезалось в сооружение и повредило его. Убытков тогда насчитали на два миллиона долларов, и компания-судовладелец все возместила. Но что бы ни случилось, Иван Тимофеевич остается верен своему делу. Говорит, что его жизнь и маяк — неразделимы.

Фото Бориса Бухмана.

Фото Олега Владимировского.

Воронцовский маяк на нынешнем месте заложили в 1815-м при генерал-майоре Кобле. Тогда сооружение представляло собой деревянную сужающуюся кверху башню изящной архитектуры, с чугунным фонарем, доставленным из Парижа. 30-метровое сооружение отделали серебряными листами, на что ушло 24 листа серебра. Внутри зажигались керосиновые лампы с суренным маслом. Белая башня в центре залива, с медным колоколом, крутыми каменными ступенями создавала ореол романтики и привлекала творческих людей. Однако в рубке, где жили первые смотрители, царила нищета. Писатель Корней Чуковский, к примеру, отмечал, что это была конура с узкой койкой и ящиком вместо стола.

В 1867 году, при князе Воронцове, маяк переоборудовали, подключив к электричеству. Это был четвертый в мире электрический маяк. Позже первое строение было уничтожено во время штурма Одессы в сентябре 1941 года. Его пришлось взорвать, чтобы фашисты не могли прицеливаться по маяку для обстрела акватории порта.

В 1955 году нынешнюю версию маяка собрали из чугунных колец, отлитых в Кронштадте на судоремонтном заводе, и поставили в конце Рейдового мола.

Высота сооружения цилиндрической формы — около 27 метров над уровнем моря.

Дальность видимости — 17 миль (31,49 км). В непогоду маяк подает звуковые сигналы, а круглосуточно — кодом Морзе круговые позывные радиосигналы «ВР» (Воронцовское радио), которые слышно на 5 миль. Фонарное сооружение — красное, электрическое, вращающееся, с мощностью света линзы в белом огне 1 млн. 100 тыс. свечей и общим периодом проблеска красного огня 12 секунд с длительностью трех проблесков 0,33, 0,34, 0,33 секунды.

Мария ГУДЫМА

Артист от бога, музыкант из народа

Известный одесский музыкант Иван Ергиев стал Народным артистом Украины — вот уж не хватало только формальности, музыкант из народа и артист от Бога... Растянул меха, встряхнул русым чубом, улыбнулся задорно, и зал уже готов аплодировать. Но ведь тут же выясняется, что на сцене самый настоящий виртуоз, виртуоз Одессы, виртуоз баяна.

Автор монографии "Артистизм музыканта-инструменталиста", кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов Одесской национальной музыкальной академии имени А.В. Неждановой, веселый и красивый человек, отличный семьянин — разве такое бывает? У нас — да. "Мечтаю охватить баяном весь земной шар!" — признался Иван Ергиев в своей книге, причем посвятил сей научный труд жене, известной скрипачке Елене Ергиевой. Книга адресуется исполнителям, музыковедам, педагогам, культурологам, гуманитариям, посвятившим свою жизнь служению музыкальному искусству, а также всем читателям, неравнодушным к музыке. А творческое кредо (насчет земного шара) Иван сформулировал для себя еще в пятнадцатилетнем возрасте.

Музыкальная Одесса знает Ивана Дмитриевича как талантливого интерпретатора современной музыки, а в последние годы — и собственных сочинений. А в том, что он, как никто другой, разбирается в артистизме, убеждают концертные программы, в которых принимает участие трио "Каданс" (Иван Ергиев, лауреаты международных конкурсов Елена и Екатерина Ергиевы), покорившие своим искусством публику Литвы, Швейцарии, Германии, Испании, Франции, Бельгии, других стран мира. Со дня свадьбы прошло уже 30 лет, ансамблю "Каданс" — уже 20, и нет причины не продолжать...

Зал замирает, когда Елена Ергиева во время исполнения пьесы мужа "Прогулка по Парижу" изящно сбрасывает концертные туфли на каблуках — эту мизансцену подсказал реальный эпизод их супружеской жизни, когда они обнаружили, как неудобна подобная обувь для путешественников, жаждущих обойти Париж пешком, любуясь им неторопливо. Тот самый редкий случай, когда на сцене собираются только красивые и талантливые люди, которые решили поиграть, что характерно, "музыку для людей, а не только для специалистов". Да, они являются великолепными интерпретаторами

новой академической музыки, но публика час-то просит чего-то попроще, подушевнее, помелодичнее. Как отказать?

Иван и Елена, гармоничная пара

Ну а кто еще выбрал бы для названия своего ансамбля такое прелестное, успокаивающее слово — "Каданс"? В данном случае речь идет о музыкальном термине, означающем гармонический оборот, который завершает музыкальное произведение либо его раздел. В случае наших героев я бы уточнила: речь идет о совершенном кадансе, совершенном во всех смыслах, как в музыкальном, так и в человеческом. Иван Ергиев свою предыдущую книгу "Украинский модерн-баян — феномен мирового искусства" посвятил памяти матери, Елены Пантелеевны Ергиевой. Маме и жене — по книге, однако главные уроки артистизма и признания в любви к баяну — все-таки не в словах, а в исполнении Ергиева.

Музыкальная Одесса знает Ивана как талантливого исполнителя авангардных произведений, неустанно доказывающего, что баяну тесны рамки народной музыки. Постоянный участник престижных музыкальных фестивалей, например, "Два дня и две ночи новой музыки", он обладает бесценным собственным опытом концертной деятельности. Елена Ергиева — лауреат международных конкурсов, заведующая цикловой комиссией струнных инструментов Одесского училища искусств и культуры имени К.Ф. Данькевича. В последние годы "Каданс" существует как трио — прибавилась пианистка Екатерина Ергиева, талантливая дочь нашей пары. К слову, Катя является лауреатом IV Международного конкурса пианистов имени Эмиля Гилельса. До того, как принять в ансамбль дочку, супруги Ергиевы выступали в составе одноименного дуэта, покорила своим искусством публику России, Литвы, Швейцарии, Германии, Испании, Франции, Бельгии.

Как сложно было им сочетать исполнительскую и преподавательскую деятельность с воспитанием двоих детей (сын Влад в музыку не пошел, заинтересовался банковским делом) в девяностых — не передать. Лена до сих пор вспоминает с улыбкой кипящие кастрюли и включенные духовки, в которых допевала еда для семьи, пока молодая хозяйка вела уроки в музыкальной школе, благо, неподалеку от дома... А кулинарка она отменная

и умеет готовить "из ничего" — один торт с кремом из манной каши способен посрамить любого кондитера! И каждую концертную поездку супруги воспринимали не как изматывающее, а как романтическое путешествие, возможность побыть наедине, вдали от быта, устроить себе подобие еще одного медового месяца.

Сейчас Елена осваивает не такие уж экзотические рецепты блюд детективщицы Дарьи Донцовой. А любовь никуда не делась — ведь никто лучше, чем Ваня, не аккомпанирует ей в "Арии" Баха... И это никогда не изменится.

"Сынок, учи что-то для людей!"

Иван родом из болгарского села, причем его отец тоже был баянистом.

— Папа свою первую свадьбу отыграл в возрасте десяти лет, — говорит музыкант. — Такой у него уже был обширный репертуар! А когда я учился в консерватории, постоянно напоминал мне: "Сынок, учи что-то для людей, учи популярные мелодии!" И поэтому сегодня кроме Баха, Вивальди, Моцарта мы исполняем танго Ежи Петербургского, Карлоса Гарделя, Астора Пьяцоллы, знаменитые "Чардаш" Монти и "Венгерский танец" Брамса. Так называемую новую музыку, внятную только специалистам, оставляем для фестивальных программ. "Полет шмеля" Римского-Корсакова не хотел сегодня исполнять, устал уже гоняться за этим полосатым насекомым, но жена каждый раз уговаривает: "Надо сыграть, надо проверить себя, насколько мы еще молоды и виртуозны!"

Кстати о виртуозности. В одной программе с "Кадансом" порой выступают юные скрипачки — ученицы Лены. Сперва этот девичий скрипичный ансамбль, с легкой руки его создателя — известного скрипача-виртуоза Якова Конвисера — носил название "Виртуозы Одессы". Но скромность мешает девушкам выступать под таким названием, хотели было назваться "Одесса-леди", пока остановились на "Леди Стрингс" (в смысле "Леди Струны"). В репертуаре скрипачек преобладает все та же "музыка для людей", то есть популярные классические произведения, например, моцартовское "Рондо в турецком стиле". А еще девушки участвуют вместе с "Кадансом" в исполнении авторского произведения Ивана Ергиева "Одесские картинки". Иван — многообещающий композитор и талантливый аран-

жировщик, о чем свидетельствует, например, его переложение знаменитого танго Гарделя "Por una cabeza" (киноманы помнят эту мелодию по фильму "Запах женщины", где главный герой в исполнении Аль Пачино учит юную красотку танцевать, хотя и утратил в боях зрение) для "Каданса".

А когда в этой пьесе Ваня заменяет вдруг у рояля Катю, после чего мама с дочкой делают несколько эффектных па по сцене... Артистизма всей семье не занимать. Собственно, одним из описанных в книге "Артистизм музыканта-инструменталиста" секретов мастерства является стремление чередовать в своей концертной практике исполнение музыки различных стилей. И тогда все будет подвластно: теплота и наполненность звука не отменяют рафинированности умозрительных авангардистских построений, народная музыка и транскрипции классики для баяна будут литься одинаково свободно для исполнителя и увлекательно для слушателя. Можно спорить по поводу важности в современном мире званий для артистов, но скажите: "Иван Ергиев", — и вопросы сразу отпадут, здесь все правильно, в самую точку.

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

Владимир ТАЙХ

Незабываемый голос

Я был поражён. В канун моего восьмидесятилетия вдруг мне приснился я сам в возрасте 10 лет. Я увидел события того дня, давно забытые, но где-то во мне так точно сохранившиеся, что я смотрел этот сон и знал всё, что будет дальше. Память опережала картинку.

Был тёплый весенний день 1946 года. Утро. Я сбежал, вернее, слетел с четвёртого этажа, прыгая через пять ступеней, автоматически, не глядя под ноги. Прогромыхал трамвай в сторону улицы Белинского, значит, не скоро следующий. Можно идти по рельсу, балансируя рукой с зажатым в ней дерматиновым портфелем. Родной Пролетарский бульвар! Спросил у деда: "Почему ты говоришь: "Французский бульвар"? И мама тоже?"

— Раньше так назывался, переименовали.
— А почему?
— В честь пролетариата Франции.

Знаю, что опаздываю в школу, но попробуйте по рельсу идти быстро и не свалиться. Мысли мои отсутствовали начисто или витали так далеко, что их можно было считать отсутствующими.

И вот главное, что заставило сохранить этот день в области, близкой к подсознанию, случилось возле одного из красивых двухэтажных, обычно с наглухо закрытыми дверями и окнами, особняков. Я не понял, что это было. Я замер, слетел с рельса. И вовремя. Женщина в кабине трамвая, мчавшегося со стороны Пироговской (ватман), отчаянно била ногой по нагелю, ударяющему по плоскому колокольчику под полом кабины.

Трамвай уже долетел до стадиона "Спартак", а я всё смотрел в открытое сегодня настезь окно расписного особняка, медленно выходя из прострации. И, наконец, понял. Из окна выливались волшебные звуки волшебного голоса. Песня окончилась, затем сладкий мужской голос её повторил сначала. Это было нестерпимо. Поражённый, потрясённый, я медленно двигался к открытому окну.

— Наш, Миша Александрович... — сказал кто-то, проходивший за спиной.

Я стоял, не понимая, что со мной происходит. То горло сжимало, как тисками, то кол вставал вверх живота. "Боже, какая музыка! Какая музыка! Что мне делать?!"

— Не сразу понял, что мне кричат из окна.

— Эй, тебе что надо?

Я не мог выговорить ни слова. Тыча рукой в сторону молодой девушки в окне, хрипло:

— Это...

Засмеялась: "Я, что ли?" Я почему-то крутил рукой, указывая, видимо, на нечто за её спиной.

— Вам побелить квартиру, мужчина?

Что оставалось? Мотал головой, хрипел, наконец, выдавил: "Песня, та, Александрович".

— Нет у нас никакого Александровича. Какая песня? Спой (с издёвкой).

Кашлял изо всех сил, изрыгая, казалось, твёрдую жёлтую мокроту, и запел, непонятно, как, но запел:

— Скажите, девушки, подружке вашей,

Что я ночей не сплю, о ней мечтаю...

— Смотри, у тебя хороший слух. И музыкальная память. Может, через лет десять будешь петь в опере. Тогда приходи, адрес знаешь. Что стоишь, что тебе ещё? Хочешь ещё раз послушать?

В ответ только нервно закивал головой.

Это последнее меня доконало. Я прислонился затылком к штакетнику под окном, дивный голос пел, а я рыдал в голос, размазывал грязь по лицу, зажимал рот, чтобы не слышно было икоты. Это не были слёзы ни радости, ни счастья. Да и отчаянию неоткуда было взяться.

— Э, парень! Господи! Что с тобой? Смотри, это пластинка. Читать-то умеешь? Поёт Сергей Лемешев. Слышал такое имя?

— Да, — сказал я, преодолевая сильную дрожь... — Нет.

— Видел кинокартину "Музыкальная история"? Он там играет и поёт.

Меня било. "Да... нет".

— Куда пошёл? Портфель твой? Иди домой, умойся, попей чаю. Вот ведь!..

В школу я не пошёл. Долго смывал грязь с лица, выпил три стакана кипятка и завалился на свою "тахту" в прихожей. Проспав часа два-три, вскочил, счастливый и бодрый, попил горячего компота из сушёной груши, угостила бабушка, мы жили большой "коммуной", и вылетел во двор. Бегом до невысокого забора из блоков ракушечника, его перепрыгнул одним махом, как обычно, и... о ужас! чуть не сбил с ног проходившего нашего учителя Афанасия — уже и отчества его не помню. Его боялись, я — очень.

— Почему не был в школе? — бил он и голосом, и глазами.

— А, — ответил я легко, даже с улыбкой, — голова болела.

— Ты хоть понял, что дальше должен сделать?

— Родителей в школу?

— Зачем мне твои родители? На завтра выучишь всё, что сегодня задали по всем предметам, спрошу с пристрастием. Разболтался, сопляк.

Непросто жить с учителем в одном доме.

Я не раз вновь и вновь пытался понять себя. Как может прекрасная музыка вызвать рыдания? В голову не приходило ничего, кроме резкого самоуничтожения: "Сопляк, баба, нюня". Я был слишком юн и неразвит, чтобы ответить себе. Когда стал старше и чуть умнее, мне просто стало неинтересно размышлять об этом. Я уже знал ответ.

Проходя мимо тех, опять всегда закрытых, окон, я мысленно пел ту прекрасную неаполитанскую песню прекрасным голосом дивного певца Сергея Лемешева.

II

В седьмом классе сдавали рекордное количество экзаменов, порядка одиннадцати. Жили мы уже на Софиевской. Я готовился, лёжа на диване, изредка вставая, чтобы отрезать себе ломоть булки и толсто покрыть его вареньем. К концу сессии заметно округлился. А тут ещё родители сняли на лето комнату на даче у известного врача Хаиса, элегантно-старикана, очень приветливого, при встрече целовавшего ручки дамам. Просторный дом его — на территории дачного кооператива "Солнечный", рядом были дачи неординарных — артистов, архитекторов, городского начальства.

Никаких оград и заборов между дачами. Жизнь моя на даче нелегка. Позавтракав, я растянулся в саду толстый ковёр, ставил миску с ягодами, теми, что были в тот день, и ложился читать Джека Лондона, любимого мною Гоголя, Дюма или Жюль Верна. И так до вечера. С перерывом на обед.

И вот здесь-то в какой-то день это случилось.

Из соседней дачи вышла она! Красивая, стройная. Подошла и сказала: "Привет", — будто мы сто лет знакомы. Я смотрел на неё во все глаза, меня не имело смысла спрашивать: "Веришь ли ты в любовь с первого взгляда?" Она присела на ковёр, потом прилегла и стала есть черешни из тазика, как и я, стреляя косточками, зажимая их между пальцами. Я онемел, я не отрывал глаз от её губ, глаз.

— Что читаешь? "Герой нашего времени"? Интересно?

В ответ лишь только кивал подбородком.

— Да ты ешь, что застенчался? Ой, да ты ошарашен, будто влюбился. Зря, я замужем... Ну, не молчи.

— О, уже познакомились? — доктор Хаис, благоухающий духами, почти упал на колени, чтобы достать её ручку, и поцеловал, как только он умел это делать. — Кстати, Ирошка, вот вам обещанный кавалер для походов на пляж. Узнавал. Он и плавает, и ныряет с мостика, и сачком ловит рачков. То, что вы называете креветками. И сумку будет носить. Будешь?

Я часто затряс подбородком.

У меня был собственный, открытый мною, способ учить плавать даже тех, кто не только этого совсем не умел, но и воды боялся.

Через полчаса я уже с сумкой на плече вёл её на пляж 10-й станции Большого Фонтана — дальше, чем если спускаться с 12-й по крутейшему обрыву, но зато по ровной улице мимо известного заведения "Морские ванны".

В море она бесилась, как девчонка. Заходила по пояс в воду, падала, била ногами по мелким волнам, швыряла резкие струи, ударяя по воде ладонью, сложенной "лотком" или "тараном". Я отвечал тем же.

Строгий мужчина в шляпе, стоявший в воде по колени, до которых как раз доходили чёрные прилиплие к ногам трусы, раздражённо заслонял тело руками.

— Перестаньте хулиганить! Вы не одни! Есть ведь и ещё сопляжники!

Услышав "сопляжники", она сыграла падение в обморок, упав на спину и раскинув руки.

По дороге на дачу спросил её, где она работает.

— К чёрту работу! У меня в первый раз такой огромный отпуск — целый месяц. А может, и больше.

Дня через три я совсем освоился, звал: "Ира, кончай валяться, спина сгорит". Иногда даже: "Ирка, пошли окунёмся!"

Ещё через день решил: "Пора учить тебя плавать".

— Знаю, как учат плавать. Кладут на воду и вроде поддерживают снизу за места, к которым женщины не разрешают прикасаться. Так?

— Совсем не так. Даже пальцем не коснусь. Буду стоять в двух шагах и показывать. Резиновая шапочка есть? Нет? Пойдёт и матерчатая. Будешь ложиться на воду лицом вниз, руки вперёд, на сколько хватит воздуха в лёгких. Потом то же, отталкиваясь ногами от дна. Когда поймёшь, что не тонешь, что вода тебя держит, перейдём к работе рук. Это уже только для движения вперёд. Главное — научиться лежать на воде.

Через неделю она уже проплывала метров пятнадцать и приходила в восторг.

Вот тогда и случилось то, что вновь ввело меня в состояние ступора. Меня послали за овощами на рынок. Я стоял на остановке трамвая, когда меня позвали из стоявшей на шоссе машины. Это был её голос. Подбежал, дверь открылась.

— Садись.

Я сел рядом с Ириной, ничего не понимая. И услышал:

— Так вот он каков, твой телохранитель и учитель плавания!

Человек, сидевший рядом с шофёром, смотрел на меня с улыбкой и немного насмешливо. От неожиданности я покраснел и умолк. А когда узнал его, застыл и потерял возможность даже пошевелиться. Это было совершенно невероятно! Золотой голос: "Скажите, девушки, подружке вашей..." Говорили, но я ничего не слышал. Спрашивали. Наконец, она постучала кулачком меня по плечу.

— Я тебя спрашиваю: ты когда-нибудь был в опере?

— Не-е...

— Хочешь? Сегодня в Одессе редкий праздник, приехал сам Лемешев, мы с ним поём в "Травиате". Один спектакль. Я тебя приглашаю. Оденься почище и до половины седьмого спроси в кассе пропуск на имя Хаиса, твоей фамилии я не знаю. Место в ложе бенуар. Хочу тебе понравиться, чтобы понял, что и я что-то умею. Ну, беги.

Молча вышел и даже забыл поехать на рынок.

"Травиата" меня потрясла. Я шёл до вокзала, потом ехал в трамвае до 12-й станции, мысленно повторяя не только запомнившиеся арии, но и мелодии между ними.

На даче никто не хотел внимать моим восторгам. Когда поздно, уже в темноте, вернулся Хаис, я пристал к нему, и он терпеливо прослушал мои потуги в исполнении запомнившихся кусков оперы и текста. Я так вошёл в раж, что меня не остановило даже виденное боковым зрением. Ирина в окружении четырёх подруг остановилась недалеке, послушали и пошли на свою дачу.

— Доктор Хаис, ведь приехал сам Лемешев!

— Так Сергей Яковлевич муж Ирины. Её фамилия Масленникова. Разве ты не знал? Она известная оперная певица.

— Теперь и он будет жить здесь?

— Нет, он только на один вечер. Он уже уехал... гастролью.

Я понял: с Ириной уроки плавания закончены. Я просто не посмею.

С утра понуро сидел на веранде, и вдруг её голос:

— Ты что раскис? Держи сумку, пошли. Сегодня ни волночки, и вода, как парное молоко.

Шли молча.

— Не спрашиваю, вижу: "Травиата" тебя захватила. Очень рада. Но есть и другие оперы. Что хочешь послушать?

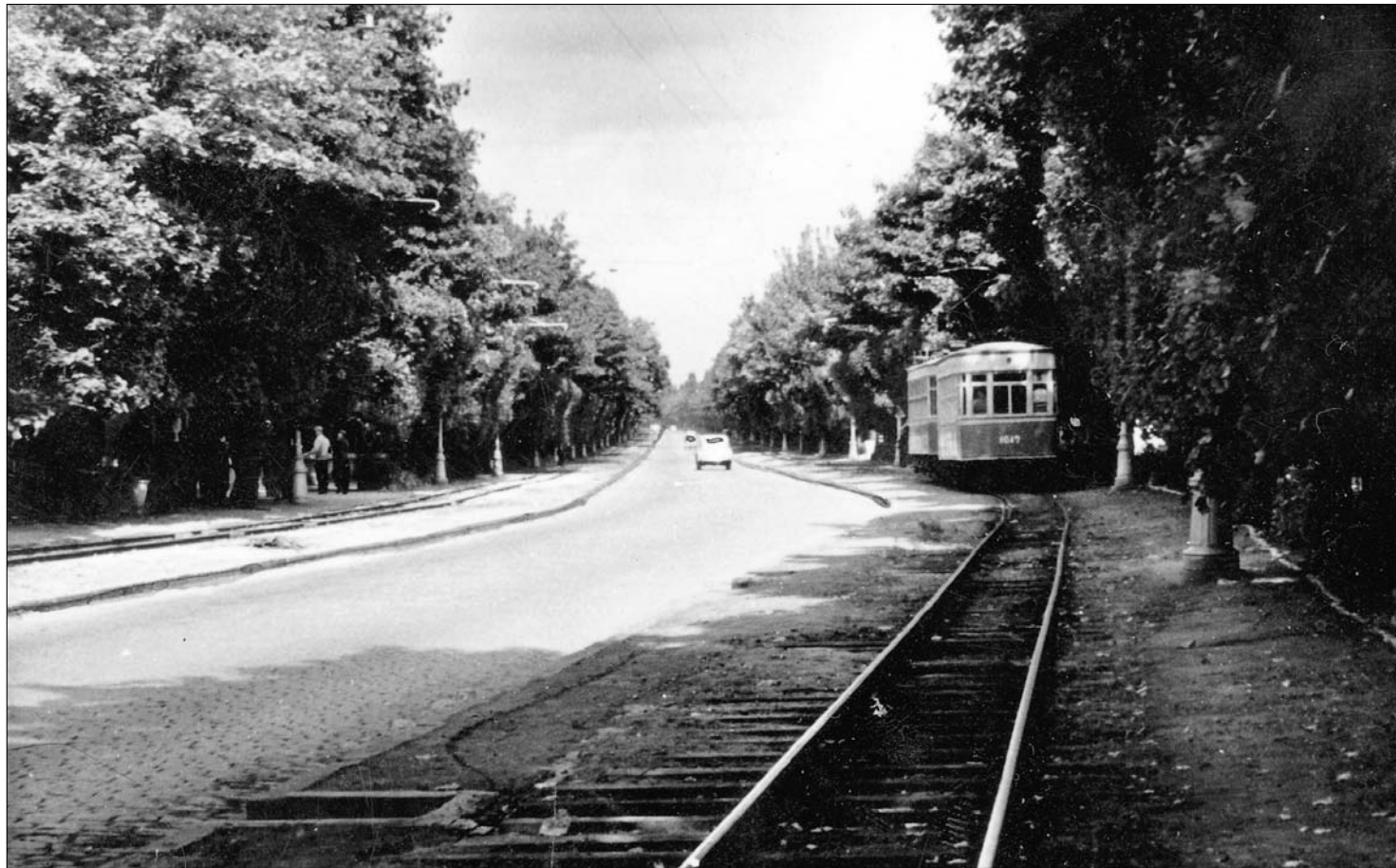
— "Травиату".

— Хорошо. Я приглашена ещё на шесть спектаклей.

— Так он же уехал.

— С другим партнёром.

Шесть раз я слушал этот шедевр Верди. Я запомнил всю оперу от интродукции до финала. И музыку, и слова арий и речитативов. Не раз потом играл и пел её сам для себя. Без звука. И лишь однажды — вслух, на ушко молодой жены, тихо, когда мы в московском "Иллюзионе" смотрели снятую на плёнку великим Дзеффирелли великую оперу. Я переводил и слова, и музыку.

Одесса. Пролетарский (Французский) бульвар. Фото из проекта OLD.ODESSA.UA.

Людмила ШАРГА

Зима тревоги нашей

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Пишу письмо

Улыбаюсь солнечному январскому дню.
Да и как не улыбаться.
Снег поскрипывает. Мороз небольшой,
градуса три — четыре.
Воздух полон синевы и света.

Вот интересно, смогла бы я жить там,
где нет зимы в привычном моём пони-
мании?

Где сезон жары сменяет сезон дождей,
а о снеге знают только понаслышке.

Говорят, человек ко всему привыкает.
Привыкла бы и я.

Но тоска одолевала бы меня всё чаще
и сильнее, пока, наконец, не свела бы
в могилу.

От тоски умирают.

Я знаю это.

Умирают без...

...жертвенных осенних костров, превра-
щающих золото в золу.

...влажной горчинки палой листвы и ут-
ренней летучей паутины.

...осевшего рыхлого снега и чёрных об-
нажившихся вдруг проталин.

...пряного дурмана цветущих садов
и разнотравья.

Без крещенских морозов, метелей и та-
ких снегопадов, какой был вчера.

Без всего этого можно обойтись, навер-
ное, и жить спокойно, размеренно, одно-
образно и пусто.

Нарочитое и наносное уходит. Сползает,
как пересохла луковая шелуха, не остав-
ляя следов и шрамов.

Значит, пришло время. Или я пришла.

Раньше старалась бы из последних сил
не сорваться и на праздный вопрос «как
дела?» не рассказать всё как есть об этих
самых делах, будь они неладны.

Но есть и такое, о чём случайным людям
лучше не знать.

А такие люди случаются с каждым и есть
у каждого.

Более того: мы сами, возможно, являем-
ся такими «халифами на час» для кого-то.

Забываем о ком-то и сетуем, что о нас
забывают.

Ходим по кругу и не можем ни разомк-
нуть его, ни сойти.

Новые связи возникают отнюдь не для
души, нет, чаще всего для тела и дела,
и растёт пустота, и молчать страшно и не
о чем, как и говорить.

Пустословить разве что.

Переливать из пустого в порожнее.

Потому и хочется сберечь тех, кто всегда
рядом, в радости и в печали.

Расстояние в данном случае не имеет
значения. В другой стране, на другой пла-
нете, в другом измерении — можно быть
где угодно. Можно вообще не быть и всё
равно быть рядом. И говорить ничего не
надо, можно просто молчать.

Это оно, то самое молчание, которое зо-
лото и на вес золота ценится.

Неслучайным людям ни о чём рассказы-
вать не надо. Они и так всё о нас знают.

С ними легко молчать.

Легко и не страшно. А когда настанет
время для задушевных бесед, можно го-
ворить обо всём, что радует, и печалит,
и болит.

В родных голосах столько тепла и люб-
ви, что с лихвой хватит до следующих Но-
вого года и Рождества, а то и до следую-
щей жизни, чтобы прийти в неё была самая
что ни на есть веская, единственная из
всех причин, первопричина — любовь.

На мониторе крутится виртуальная от-
крытка, прилетевшая с благословенных
берегов Невы, крутится и вселяет на-
дежду.

Человек, приславший её, знает обо мне
и о моих скитаниях всё и не задаёт лишних
вопросов. К чему я это?..

К тому, что радуюсь, как ребёнок, нажи-
маю нужные клавиши, зажигаю свет в до-
ме, и выхожу в заснеженный сад, и знаю,
что когда-нибудь всё так и будет.

Не верю, а знаю.

Между верой и знанием множество раз-
личий.

Событие сегодняшнего вечера для меня
суть знание.

И никаких доказательств.

Родился, был и есть.

В Сочельник вспоминаю далёких и близ-
ких друзей.

Пусть у них будет всё необходимое, всё,
что им действительно нужно.

Не больше и не меньше.

Ничего лишнего.

И только любовь пусть будет в избытке.
Пусть загорятся свечи вслед за первой
звездой.

Пусть будут мир, достаток, тепло, лад
и уют в доме, и самое главное — пусть
будет дом, чтобы было, где всему этому
быть.

Первые дни новолетия особых следов не
оставляют.

Сочельник затеплился серебряной тонкой
свечой, осветил самые тёмные уголки души,
и чуть меньше стало сомнений и тревог.

А... может, и не меньше.

Просто их бремя не так ощутимо в свете
далёкой голубой звезды. Много лет тому на-
зад, в самый канун Старого Нового года,
со мной случилась невероятная история.

Прошлогодний снег, выпавший в послед-
ний вечер уходящего года, что, кстати,
не такая уж и редкость для наших мест, ус-
пел подтаять, замёрзнуть, снова подтаять
и превратился, наконец, в привычную серую
зернистую кашу. На город опустелись зим-
ние сумерки, за ними — дымящимся шлей-
фом — густой туман, вобравший в себя всё
живое: звуки, голоса, эхо шагов, время.

За туманом притаилась неизвестность.

Кадры немого кино смешались с реаль-
ностью.

Уличные фонари оплывали радужными
волнами.

Спящие деревья грезил о молодом лете,
и в полудрёме казалось им, что лето куда
не исчезало. Им снились тёплый ветер, све-
жая, клейкая ещё листва, суетливые пти-
цы... шум внезапно налетевшего дождя...
Море дышало легко и размеренно.

Трамвай вынырнул из неизвестности, по-
качиваясь, проплыл мимо и вернул меня
в январский вечер.

На развилке у кирхи трамвай замедлил
ход, завис на мгновение и исчез.

Тогда-то я и увидела два танцующих си-
луэта.

Музыка доносилась из неизвестности.
Играл менуэт.

Ни души вокруг, кроме моей собственной,
и танцующие юноша и девушка, полупро-
зрачные, полупризрачные. Фантомы, тени
живших когда-то здесь, в старинных домах
на уютной улице?

Мелодия приближалась.

Я уже могла слышать флейту.

Из влажной клубящейся взвеси соткалось
имя: Анна Магдалена.

Возможно, так звали девушку?

Я произнесла имя вслух. Ещё один трам-
вай появился из сумеречной неизвестнос-
ти, проплыл мимо и прозвенел что-то своё,
привычное и переливчатое.

Музыка стихла.

Шуршали машины, где-то вдалеке слы-
шался лай собак.

Жалобно и вопрошающе мяукала серая
кошка на карнизе.

Развилка была пуста — танцующие силуэ-
ты исчезли.

Осталась лишь неизвестность, став ещё
более похожей на неизбежность.

P. S.

— Верить, что они действительно были
там?

— Конечно. Это был обыкновенный урок
музыки.

Ты улыбаешься снисходительно и чуть
иронично.

Так взрослые улыбаются детским фанта-
зиям и откровениям.

О печалах и радостях.

Крещенское

Я ждала её пробуждения к Рождеству или
к Старому Новому году. Она спала.

Выстрелила цветочес в середине декаб-
ря, порадовала, обнадежила и уснула.

И лишь позавчера первые два бутона
ожили и потемнели. Значит — в Крещение?

Снег идёт вторые сутки и успел замести
наш маленький дворик, улицу, и весь город
теперь в снежном плену.

Всё повторяется. Крещенский Сочельник,
январь, заснеженный двор, убаюканный ме-
телью город и пробуждающаяся орхидея на
оттаявшем окне.

Давно дружу с численниками — отрывны-
ми календарями.

Утром сорвать листок с вчерашним днём,
подержать его в ладонях, запомнить и от-
пустить.

— Желаю вам в новый год взять только хо-
рошее. А всё плохое пусть в ушедшем году
остается.

Телефонный звонок — шестой или седь-
мой по счёту за утро. Обычное поздравле-
ние, хорошее, простое. От чистого сердца.

Мне бы поблагодарить, бросив в ответ:
ивамтогоже. Не смогла.

— Всё останется со мной — и плохое,
и хорошее. Потому что моё и часть меня. На
«духовную кастрацию» не согласна.

— И я не согласен. Я — это я. Со всеми
плюсами и минусами.

— Что же вы тогда... Зачем?

— Сам не знаю. Все так говорят, вот и я.
Сплошной позитив кругом.

Вполне нормальная реакция на... облож-
ной "сплошной позитив".

Вернее, на перебор «позитива» искусст-
ственного, внешнего, показательно-показного.

Все эти практикующие психогугу, расска-
зывающие о правильных поступках, мыслях
и реакциях, по крайней мере, неискренни,
если не лживы и лицемерны.

Смотрю на великое множество высокомо-
ральных, духовных, мыслящих позитивно,
идеальных человек, и думаю о собствен-
ном несовершенстве, и задаюсь вопросом:
«Откуда берётся столько нелюди?..»

Что ж. Одни радости вкушать — недостой-
но, как говаривал папенька одной из геро-
инь любимого фильма.

Трудность в том, чтобы не разучиться
видеть радость и свет за печалью и скор-
бями.

А радости в эти дни много. Настоящей,
не вымученной и созданной усилием выхо-
лощенного сознания.

Как крещенского снега у ворот.

Что-то такое происходит в эти дни, что-то
особенное.

Независимо от сознания, позитива, веры
и неверия. Само по себе. Как самое обыкно-
венное чудо.

Наша нынешняя гостя-ёлочка, а точ-
нее — пихта, собранная из веточек, растрё-
панная и смешная, оказалась невероятно
стойкой.

Безо всяких подкормок и подпиток в виде
воды с сахаром и аспирином, песка
и прочих ухищрений для продления иллю-
зии жизни.

Вместо ствола у малютки — толстая пих-
товая ветка, а в основании — спил, тонень-
кий деревянный кругляш, остро и пряно пах-
нувший смолой. Она радовала нас целых три
недели, не уронив ни иголки.

Я проходила мимо таких «сборных ёло-
чек», уверенная, что они начинают сыпаться
ещё по дороге с ёлочного базара.

Оказалось, зря. Прощай, малютка-пихта.

Святки закончились.

Серебряная звезда, пять снежинок из би-
сера, два ангела — весёлый и печальный —
отправились отдыхать до следующего Со-
чельника, до следующего Нового года.

В Рождество все немножко волх-
вы...

Вот я и добралась, наконец, до подарков,
многие из которых не успела открыть и за
которые не всех успела поблагодарить.

Их много, они разноцветные и разные, как
и моё сегодняшнее настроение.

Радуюсь, печалюсь... удивляюсь.

И благодарю. Волхвы принесли дары мла-
денцу Иисусу, и с той поры люди дарят друг
другу подарки в эти дни.

В довольно нежном возрасте, услышав от
бабушки предание о волхвах, вообразила
себя именно Мельхиором, потому что он
был знакомым. Своим.

Колечко с лунным камушком, носимое
мной "и в пир и в мир", было мельхиоровым
и любимым.

Стараюсь и я одарить родных и близких
моему сердцу, чем могу.

Любовью, теплом и радостью — прежде
всего.

Существует этаким круговорот даров
в природе.

Одни уходят сразу, другие — в течение
двух-трёх недель.

Есть и такие, которые остаются по самой
простой из всех причин: они в а ш и.

Как браслет, в одной из бусин которого
спит мой сон, о котором я расскажу чуть
позже.

Как вечерний светлячок, поселившийся
в синем подвесном фонарике на окне.

Как маленький ангел, живущий у меня
давно и ставший позавчера подвеской.

Как этот серый палантин.

В него можно закутаться полностью,
и стоять у окна, и чувствовать, как сгущают-
ся январские сумерки, и видеть далёкий
тёплый дом и заснеженный сад, и знать, что
там живут дорогие моему сердцу люди. Они
давно ждали этот снегопад, а значит, снег
будет идти всю ночь, и всё утро, и весь сле-
дующий день.

Он нужен нам.

Не меньше, чем тепло и свет.

Не меньше, чем солнце.

Шёлк и шиншиля

Как понять, что вот эта душа — родная тво-
ей, а та — так себе, а эта и вовсе чужая,
скользкая и холодная? Родство по крови
в данном случае значения не имеет. Родствен-
ников, как известно, не выбирают. Кого полу-
чил при рождении — с тем и ступай по жизни.

Родство по духу определяется исключи-
тельно собственным выбором. Иногда слу-
чается, что родство по крови и по духу сов-
падают. Редко, но случается.

В большинстве же случаев мы учимся
принимать родство по крови, не ропща,
смирненно, как должное.

Усваиваем ли самый нелёгкий урок? Увы,
далеко не всегда.

Снилось солнечное затмение.

Тьма пришла не со Средиземного моря,
а откуда-то издалека.

Извне.

Тьма была наделена разумом, не иначе,
и настойчиво пыталась заглянуть мне в глаза.

Я изо всех сил старалась не смотреть, от-
ворачивалась и прикрывала лицо ладонями.
Закопченного стёклышка у меня не было,
тёмных очков — тоже.

Вот и выглядывала из какого-то незна-
комого высокого окна, не отнимая ладони
от глаз.

Боялась.

Выглядывая из чужих окон, всегда по-
падаешь в чужое и, как правило, чужое те-
бе пространство.

Потом оказалось, что никакой тьмы нет,
как нет и незнакомого окна, и неоткуда вы-
глядывать, и бояться, стало быть, нечего.

А тогда... Тогда была зима две тысячи
восьмого.

Виртуальные посылки, задушевные бе-
седы и милый трёп на одном из сайтов.

Развиртуализация не сулила ничего
страшного, да и вообще — ничего не сулила.

«Ну что я, Москвы не знаю, что ли...» —
утешала я себя, как могла, поскольку ехала,
по сути, в никуда.

С Киевского вокзала — на метро — с ог-
ромной сумкой и на высоченных шпильках
(провинциальная дура) лечу в Гранатный.

— Марина? — пискнула робко и неуверен-
но, увидев элегантную даму, вошедшую
в вестибюль.

Где-то там, под высоченными потолками
ЦДА, ещё живёт мой писк.

Таял тёплый московский декабрь, очень
похожий на декабрь одесский.

Был вечер, положивший начало многим
вечерам и встречам.

В последний приезд роскошным подарком
от Нади (одним из...) станут билеты в «Совре-
менник» на «Осеннюю сонату» по Бергману.

Марина, словно факир, извлекла из недр
сумочки неземной красоты браслет и во-
друзила его на моё запястье, утупавшее
в чёрных шелках.

— Чтобы твои красивые руки стали ещё
красивее. Из Испании. Что это на тебе?

— Шёлк.

— Какой ещё шёлк! Обнажайся.

Перед этим я битый час выпрашивала
у Нади, что теперь принято надевать в театр.

— Всё демократично, — заверила На-
дя, — тем более что не премьера, да и день
будний. Но если есть настроение надеть
шёлк и бархат, почему бы нет?

— Укутать сердце в шёлк и ш и н ш и л я...

Ш и н ш и л я у меня не случилось, миловал
Господь, а вот блуза чёрного шёлка имела.

Одесская киностудия: 90 лет тому назад

"Легат посмотрел картину "Спартак" и приказал сжечь одесскую кинофабрику..."

В записных книжках Ильфа есть наброски о завоевании Одессы древними римлянами. "Легат посмотрел картину "Спартак" и приказал сжечь одесскую кинофабрику, как настоящий римлянин, он не выносил халтуры".

У Ильфа и Петрова к кинофабрике отношение более чем ироническое: "ВУФКУ пошло на новый кинематографический эксцесс — опять ставит картину из быта древнеримской империалистической клики.

Подъехавшие на семи фазтонах кинорежиссеры устанавливают римско-одесский народ шпалерами и организуют Юлию Цезарю большой триумф. Статисты, стоя на фоне книжного магазина Вукопспилки, машут ветками акаций, потому что на пальмы не хватило кредитов.

Граждане города, не нанятые в римляне, с омерзением смотрят на действия родной киноорганизации", — это в фельетоне "Путешествие в Одессу" 1929 года. А в "Золотом теленке" и того хлеще: "На 1-й Черноморской кинофабрике был тот ералаш, какой бывает только

на конских ярмарках и именно в ту минуту, когда всем обществом ловят карманника".

Одесситы же в 1920-е годы неистово гордились своей кинофабрикой и желали сниматься в любой роли и у любого режиссера — что у москвича Эйзенштейна, что у турка Мухсин-Бея.

В этом году исполняется 90 лет со дня выхода картины "Спартак", которую снимали на ВУФКУ. Воспоминания современников о картине, режиссере и съемках, как правило, насмешливо-анекдотичные.

Но не так все просто. Ведь автором сценария был украинский поэт-футурист Гео Шкурпий, историческим консультантом — известный и уважаемый филолог и антиковед профессор Борис Варнеке. Роль диктатора сыграл одесский актер Матвей Ляров. Режиссера Эртегула Мухсин-Бея называли реформатором, он учился в Париже, стажировался у Мейерхольда.

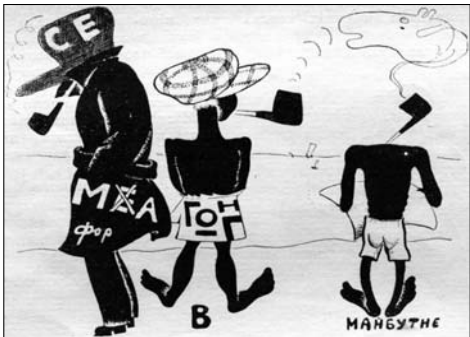
Фильм, увы, не сохранился. Но музыку из "Спартан" мы можем услышать и сейчас — ведь композитором был Арам Хачатурян, и музыка, написанная в двадцатые годы для фильма, легла в основу созданного им в пятидесятые годы балета. Кто знает — не будь фильма, возможно, и балета бы не было, и не наслаждались бы балетоманы партией Спартан или Красса.

Да, конечно, не все, что придумано или снято в Одессе, безупречно, но какие последствия!

Алена ЯВОРСКАЯ.

Голливуд на березі Чорного моря

У ідальні кінофабрики завжди б'ються істерично двері, а за ідальною западається червона земля — і на це місце стають, коли хочуть понюхати морської меланхолії. Найбільше сюди бігають молоді автори і футуристи-поети, стають і, задумливо попихуючи люльками, спостерігають далекі й таємні кораблі, що мають по-везти їх на тропіки. Далеко внизу шавкає об пісок, налітаючи, море, свистить і шумить на березі та в повітрі. Під знаком цих романтичних шумів проходить і робота в одеській "Голлівуді".

Одесити — народ гарячий і симпатичний. Над усе вони кохають Одесу. Всі славетні люди з історії й географії, як відомо, були одеситами — це першого ж дня скаже Одеса, запевняючи вас, що Чарлі Чаплін народився на Молдаванці — від веселого вантажника Каплана. Той же Чарлі — за днів своєї юності — бігав босоніж на березі під кінофабрикою і, кидаючи в Чорне море камінці, згорав на одеському сонці. Ніхто

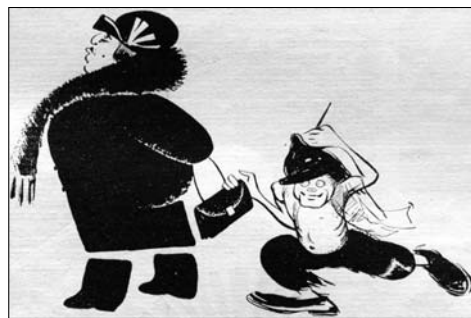
навіть не подумав накрутити з нього кількох паршивих метрів фільму — з цього босого й замурзаного хлопця, в якому струмилася талановита кров вантажника Каплана.

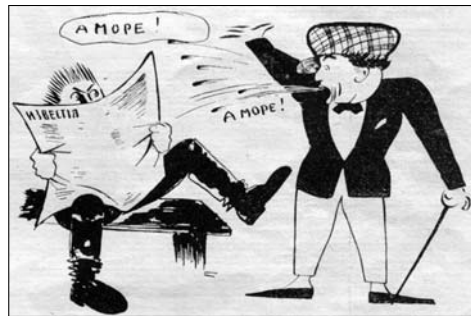
Коли ви довірливо слухатимете, не перериваючи й разу промовця, ще й не те почуєте. Вам доведитимуть, що Дуглас Фербенкс є незаконний син тітки Рухлі з пристані. Вона ще була тоді молодою і вродливою юнкою з очима "как море", стомилася після довгого робочого дня, таскаючи цукор на широкій спині, і лягла спати на теплому камені одеської ночі.

Цим скористався молодий мрійник з американського корабля "White House" і засліпив соромливу дівчину золотом та подарунками. До самого ранку умоляв він її сотню різних мов серед портових пахоців. Камінь кришився, розпадаючись на порох, від жаркої промови моряка.

А на ранок молода Рухля кризь сльози дивилась на "White House", — як увозив він частину її серця і батька її майбутнього сінка — Дугласа.

Багато ще дечого почуєте ви від одесита, коли він заб'є вашу молодість феєрверком сенсаций. А якщо ви, людина бувала, обілете його вогнем водою вашого скепсису та скажете, що Одеса "так собі", — він огляне вас презирливо й викине свого останнього козира: — Так собі? А море?!

Країна веселого народу — це Одеса. На широких вулицях її росте ніби трава, бо кожний одесит не ходить ніколи просто, а все наче обминає якусь травинку. Піяні там — перші лицарі Веселого Ордену. Вони ходять на тротуарах сотнями — витончені, чемні і граціозні, і своєю вдачею можуть звести з розуму навіть не одесита.

Там тридцять три адміністратори тридцяти трьох кіноекспедицій щоліта кінофікують місто. Ви можете серед білого дня підійти до кожного одесита — хай на ньому буде каракуль і котик — і запропонувати йому участь у фільмові. Вас не пошлють до чорта і не покличуть міліціонера, а, ввічливо усміхнувшись, питатимуть за умови. Там, кажуть, одного прекрасного літнього дня, по обіді, коли агенти різних компаній вийшли приймати з пароплавів мандарини, волову шкіру й корицю, не знайшлося в гавані й одного вантажника — вони грали десь для фільму красиво й шумно.

Але це все — як тло. Він висітиме над нами весь час — цей незвичайний килим одеських звичаїв. Темна південна ніч покриває нас своєю яткою, на чорному небі стоять містять завжди кілька яскрих зір, наче кинув хтось у небо яркір — одеський герб. Тихий свист, шум, гуркотіння трамваїв — це все вщухатиме в місті, залишатиметься позаду і не перейде паркана кінофабрики.

Ніч. Два павільйони стоять і світяться зсередини, наче це хтось поставив вершки маяків на землю. Десятки прожекторів повертаються в павільйонах, і ворухнуться там клубок великого світла.

Юрій ЯНОВСЬКИЙ,
Журнал "Кино", 1926, № 6-7.

Одесская кинофабрика ВУФКУ

Одесса — спящая красавица. Дремлет, разморенная солнцем. Живет воспоминаниями и надеждой. Сегодня так же, как вчера и позавчера, уже много незаполненных дней со времени войны, жизнь города прилегла в полубездельи, в утомительном отдыхе и ожидании. Изредка проползет по морю пароход. Покажется дымок на горизонте... Это ползет надежда.

Сердце Одессы — ее порт. До войны оно билось утешенно, лихорадочно. Пароходы из-за моря и из океана толпились караваном в гавани, торопя город ревом гудков. Муравьи-грузчики и стальные когти лебедок потрошили железные пароходные брюха и вновь фаршировали их хлебом и сахаром. Облегченные, поднимались они над водой и снова, тяжелея, опускались в нее, в густую, темную воду порта, и уходили, сытые, резво в море.

Моряки отдавали городу избыток земной любви, накопленной в пути из Эллады и Византии. Интернациональная братва рассыпала свои заморские песни, шутки, поцелуи и пляски в гостеприимных приютах города, гуляла по берегу и уплывала веселая.

Все долгие солнечные дни и синие ночи висели над портом лязги железа и зовущие гудки котлов. Во всем городе: и на молу, и в веселых кафе, на бирже и на бульварах — смешивались и кипели наречия юга, востока и запада. Суетливые пальцы одесситов пожимали холодные ладони англичан, тонкие японские, горячие итальянские и медлительные пальцы турок. В Одессе очень скверно говорят по-русски и еще хуже — по-украински, и у города нет своего национального лица. Он рос не от земли, а от моря — раскинулся по берегу широко и быстро, по плану, начертанному на столе во-

инами, инженерами, торговцами и моряками. Полуевропейский морской город, не сросшийся с культурой своей страны Украины.

После войны порт еще не совсем проснулся — дремлет, едва подрагивая. Населения Одессы убывало больше чем наполовину. Город основательно разрушен боями, бандитами и воришками. И еще сейчас не в одиночку, а целыми улицами и переулками стоят, как оперные декорации, дырявые каменные скелеты обглоданных барских особнячков.

При мне 3000 одесситов изображали римлян. Актеры играли в бой гладиаторов на арене огромного фанерного Колизея.

Одесситы в хитонах, тогах и туниках по команде Мухсин-Бея, турецко-немецко-украинского режиссера, поднимали кулаки и, оттопырив низу большие пальцы, молча "кричали": "Добей его!"

Все ярусы Колизея были переполнены. Солнце с удивлением наблюдало римлян за три шестидесяти. Помрежи, неистовствуя, отбирали у одесситов веера (жарко) и несвоевременные вольные добавления к полуголому туалету (надо же одесситке чем-нибудь выделить себя из толпы себе подобных, потерявших свое подобие). Испуганные римлянки снимали невозможные модные шляпы, прятали их под себя и надевали на головы венки. Смеялись или негодовали только по команде.

Я пробирался к режиссеру среди патрициев и полуобнаженных дев, переступая через голые ноги отдыхающих. Шарахался от толпящихся потных нагих бедер, прятался от бегающих трех операторов, снимающих все это сразу сверху, с боков и снизу.

— Тише! Слушайте! Тише! Приготовились! Начали!

На арене Спартак поднял меч. И помрежи раскладывали на песке отрубленные головы.

Дежурный пожарный под стеной Колизея поит жаждущих римлян мощной струей из брандспойта. Они протягивают к воде пригоршни, рты и ноги. Бронзовые уличные мальчишки прыгают в самую струю, подставляя летящей воде и все остальное, вызывая зависть. Жарко. Колизей раскинулся над самым берегом моря, под холмами, на которых плотники доставляли Запорожскую Сечь для "Тараса Трясило" и убирали "берег Тибра" и "улицы Гамбурга". Там же, наверху, архитектор Байзенгерц сжег Рим.

Фабрика ВУФКУ не зажата в мешок домов, как Гогсено на Житной и Замоскворечье.

Кино — новая лихорадка Одессы. Вся Одесса снимается. Мало было фабрики, так приехали в прошлом голу Грановский, Эйзенштейн, Роом, Капчинский — "завертели" весь город. К этому лету Одесса подготовилась: местное ОДСК создало лаборатории для учета и классификации всего натурального одесского типажа. Но обещанные режиссеры-москвичи застряли в Москве. Одесса не вполне удовлетворена — мало ей Рима, Украины, Гамбурга, Лондона, Варшавы, для имитации которых то и дело снимает ВУФКУ Одессу и одесситов.

Фабрика велика и обильна техническими средствами и деньгами. Она — новое побочное сердце Одессы, здесь каждый день — приливы и отливы людей. На скамеечке артистов на улице у ворот (вместо коридора) каждый день встречаются москвичи. Актеры, актрисы, режиссеры — вольные и невольные беженцы из московского кино в ВУФКУ. Каждый вновь прибывший встречается кратко:

— И вы здесь?

А настоящие украинцы угрюмо оглядыва-

ются отсюда на родину, на Киевщину. Одесская фабрика велика и богата. И работы на ней много... И все бы для всех хорошо.

Но, как говорят в Одессе:

— Об что вопрос?

— Вам зовут.

Украинцев зовут Украина строить свою революционно-национальную фабрику в Киеве. Кинопроизводство трудно строить вне культурной среды, вне научных и художественных центров. Москвичей зовут Москва, но ведь она же "слезам не верит".

Впрочем, если вы хотите поехать на Первую Государственную фабрику ВУФКУ — ее в Одессе всякий знает. С вокзала садитесь на трамвай и прямо говорите:

— На фабрику.

И вам дадут билет и укажут пересадку.

Одесская фабрика больше московских. Восемь съемочных групп могут работать здесь одновременно, не мешая друг другу, располагая обширной площадью для любыхстроек на открытом воздухе и тремя павильонами. Первый на 405 кв. метров, второй — 385 кв. метров. Третий оборудован в помещении огромного каменного сарая. Имеются своя электростанция и 280 осветительных единиц. Две кинолаборатории пропускают до 120000 метров в одну смену. Четко работают подсобные предприятия и цеха, особенно организованно и хорошо идут всевозможные декорационные стройки под руководством художника-архитектора Байзенгерца.

Штат фабрики — 273 человека, при мне работали, вместе с временными, 360 человек, не считая, конечно, участников массовок.

Хрисанф ХЕРСОНСКИЙ.

1926 г.

Наш человек в Национальном парке

В Министерстве экологии и природных ресурсов Украины принято решение поручить руководство Национальным природным парком "Тузловские лиманы" известному экологу, доктору биологических наук, члену Национального союза журналистов Украины Ивану Русеву.

Читателям одесских газет это имя знакомо по многочисленным публикациям в "Экоклубе". К тому же Иван Русев — один из первых лауреатов ежегодного конкурса "Вечерней Одессы" "Люди дела", награду он получил из рук первого Редактора Бориса Федоровича Деревянко. Неугомонный защитник природы без устали борется с браконьерством, незаконной застройкой заповедников, коррупцией чиновников. Вся его жизнь — образовательные экологические проекты и борьба за сохранение уникальных природных территорий Причерноморского края.

Тузловские лиманы в Татарбунарском районе, живописная земля и группа целительных водоемов, всегда нуждались в опеке экологов. Сначала нужно было добиться охранного статуса, и это случилось в 2010 году, когда на карте Одесской области появился Национальный природный парк "Тузловские лиманы". Но и после этого территорию приходилось постоянно защищать от посягательств, что и делали Иван Русев и руководитель татарбунарской экологической организации "Возрождение" Ирина Выхристюк, тоже, кстати, лауреат нашего конкурса "Люди дела".

В эти дни Иван Русев приступил к исполнению обязанностей директора Национального парка, Ирина — его заместитель.

— Я согласился на предложение Минэкологии возглавить работу парка при условии самостоятельного формирования команды из патриотов, профессионалов, честных людей, — сказал Иван Русев. — Парк запущенный, но один из самых красивых! Надеюсь на помощь неравнодушных людей, которые в качестве волонтеров подставят плечо. А также на помощь спонсоров и меценатов, ведь государственных средств крайне недостаточно для выполнения поставленных перед Национальным парком задач. Готов искать и грантовую поддержку.

Как сказал в разговоре с нами и. о. директора Национального природного парка "Тузловские лиманы", "с нашей командой постараемся показать, что есть шанс изменить страну и жизнь людей к лучшему, при этом сохраняя уникальную природу Украинского Причерноморья как для самой биосферы, так и для нынешних и будущих поколений". Удачи!

Дора ДУКОВА,
зав. отделом газеты "Вечерняя Одесса".
Фото Олега Владимировского.

Портрет в интерьере

В канун Нового года новое полотно нашего соотечественника и одессита — известного американского художника и педагога Леонида Гервица — ушло в музейную коллекцию. Одну из последних работ мастера — живописный портрет бездомного Патрика Мина — приобрел выдающийся русский поэт и, как выяснилось, серьезный коллекционер и знаток живописи Евгений Евтушенко для своего подмосковного музея.

Под музей автор "Бабьего Яра" в свое время построил двухэтажное здание на своем участке в Переделкино. Теперь в музейной коллекции Евтушенко хранятся произведения всемирно известных мастеров кисти: Давида Сикейроса, Пабло Пикассо, Фернана Леже, Макса Эрнста, Олега Целкова, Марка Шагала...

О серьезности именно музея, а не частной закрытой коллекции, говорят несколько фактов: музей находится на содержании государства, его штат насчитывает десять сотрудников, ежедневно туда водят экскурсии.

Члена Всемирного клуба одесситов Леонида Гервица и поэта Евгения Евтушенко связывают многолетние дружеские отношения. Познакомились они за океаном, в США, где оба проживают уже 25 лет: Гервиц — в Нью-Йорке, Евтушенко — в городе Талса, штат Оклахома.

Там и произошла недавняя встреча друзей. Из Нью-Йорка в Талсу Леонид Владимирович привез выбранную для музея картину, которая затем отправилась в Россию, чтобы занять свое место в музейной экспозиции.

Последние два года Евгений Александрович много болел, перенес несколько серьезных операций, в том числе — по ампутации ноги, однако успешно реабилитировался

и продолжает совершать дальние вояжи по всему миру, выступает с концертами, встречается с читателями, пишет произведения. Главным делом жизни сегодня 83-летний Евтушенко считает работу над романом и издание Антологии русской поэзии. Преподнеся в дар несколько книг, в том числе — первый том Антологии, своему другу-художнику, поэт сделал на одной из них следующее посвящение: "Моему старинному другу, замечательному художнику, чей дивный портрет одинокого старого человека, сохранившего внутреннее благородство, будет всегда украшать мою галерею".

В свою очередь, Леонид Гервиц сейчас готовит к печати книгу воспоминаний, в которую, в частности, войдет рассказ об авторе "Идут белые снеги".

Блестящий мастер портрета, он также сделал подарок другу, преподнеся Евтушенко свою книгу "Портреты", тоже своего рода Антологию. В нее вошли лучшие работы художника за полвека, четыре из которых — рисунки и живопись — посвящены поэту.

Их встрече сопутствовали долгие разговоры: о жизни и смерти, о любви и ненависти. И, конечно, зашла речь о событиях в Украине. Евтушенко, в жилах которого течет украинская кровь, признался, что очень страдает от того, что произошло кровопролитие в Украине, но продолжает верить, что наши народы вернутся к человеческим отношениям, основанным на сердце и на разуме.

А когда Художник спросил Поэта: "Ну, теперь ты уже не скажешь: "Хотят ли русские войны?"?" — тот в ответ только промолчал.

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.

Празднуем юбилей

Сегодня встречи праздничная сень,
Мы узнаём друг друга, и не странно,
Что соскользнула лет прошедших тень:
Мы все прекрасны несказанно.

Это строки из гимна в нашу честь, который написала Ульяна Шереметьева.

Как вы видите, это все о нас. Это мы прекрасны несказанно. Почему бы и нет? Вы помните эти прекрасные встречи с Чингизом Айтматовым, Игорем Губерманом, Диной Рубиной? С теми, кто покинул нас: прекрасными Львом Абрамовичем Гиршовым, Рафаэлем Шиком, Ольгой Бешенковской, Юрием Лейдерманом, Владимиром Маранценбоймом, Александром Зиминим, Ольгой Шварц. А пока "остановись, мгновение, ты...", не спеши... Мы еще хотим радовать друг друга нашими книгами, нашими встречами. Ведь мы помним эти прекрасные мгновения на финалах нашего турнира, когда к нам приезжали и слетались поэты из Германии, Израйля, России, Америки и даже Австралии. Эти десять незабываемых лет. Эти десять сборников турнира, которые стоят на книжных полках в разных концах земного шара. И наши книги... Книги наших авторов: Марии Плисс, Клавдии Лейбовой, Галины Педаховской, Анны Шаф, Ирины Ярошенко, Романа Нудельмана, Евгения Тамарина, Инны Эпштейн, Галины фан Бонн,

Льва Казарновского, Виктора Левенгарца, Нелли Куниной, Генадия Офенгейма, Музы Извековой, Игоря Погребижского, Марты Коган, Леонида Михелева, Светланы Супоницкой, Исидора Когана, Рафаэля Айзенштадта... "Все остается людям".

И, конечно, останутся в нашей памяти сотни участников Литературной гостиной, которые выступили на ее заседаниях за эти пятнадцать лет. Наша признательная память и бесконечная благодарность.

А 14 декабря 2015 года в зале имени Лео Бэка Еврейской общины Дюссельдорфа в честь юбилея мы выбирали "Короля и Королеву поэтов" Литературной гостиной. Мы — это зрители, собравшиеся в этом зале. У всех на руках были списки выступавших поэтов, из которых каждый мог отметить, по его мнению, трех лучших. Путем несложных подсчетов были определены победители конкурса. Итак... "Королевой поэтов" стала Клавдия Лейбова, кто не знает (а таких уж и нет) — автор многих литературных программ. "Королем поэтов" стал Владимир Авцен — основатель и ведущий Литературной гостиной в Вуппертале, редактор альманаха "Семейка". При общем ликовании на них были возложены короны и вручены дипломы.

Во втором отделении выступала оперная певица Юлия Парнес (Бонн), в репертуаре которой были русские песни и романсы. Програм-

Королева поэтов Клавдия Лейбова, Король поэтов Владимир Авцен.

ма называлась "Наглядитесь на меня". И в самом деле: и налюбовались, и насладились вволю. И нагляделись, так как, кроме основной программы, певица, идя навстречу слушателям, пела и пела, расширив рамки концерта.

Вечер завершился книжной лотереей, на которой разыгрывались книги участников Литературной гостиной, сборники Международного поэтического турнира, альманахи

разных литературных объединений других городов.

Вот так 14 декабря 2015 года было отмечено "двухсотлетие" Литературной гостиной...

Конечно, двухсотое заседание Литературной гостиной. Вы правы. Но число запрета!

Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ,
Дюссельдорф.

Михаил ГАУЗНЕР

Как становятся папами

"Кажется, надо ехать, — сказала жена не свойственным ей растерянным голосом. — Вроде бы ещё рано, врач сказал, что есть ещё несколько дней..." Чтобы подбодрить жену, Гриша решительным тоном ответил: "Собирайся!" Набросали в сумку набор необходимых вещей и вышли из дома.

Вызвать такси в те годы было нереально. Наступали сумерки. Прошли два квартала, но по их туlikовой улице за это время не проехала ни одна машина. Вышли на более оживлённую, но и там не везло — "частников" тогда было очень мало, а единственное встреченное такси занято. Наконец, Гриша успел заметить на обогнавшей их "Волге" зелёный огонёк и громко крикнул: "Такси!" Машина остановилась не сразу. Опасаясь, что водитель уедет, по привычке сказал жене: "Рванули!" — и они, держась за руки, побежали.

Запахавшись, сели на заднее сиденье, и Гриша назвал адрес. "Не-е, я в парк, а это в другую сторону, не поеду". "Пожалуйста, это в роддом, жена рожает!" Водитель обернулся и с ехидной усмешкой спросил: "Поумнее ничего не придумал? Рожает она... Рожаящие так не бегают! Да и фигура не похожа. Вылезайте!" Гриша умоляюще повторил: "Пожалуйста, поскорее, я заплачу не по счётчику!" "Сказал — вылезайте! За такие выдумки Бог вас и наказать может! Не поеду!" "Никуда мы не выйдем, везите в роддом!"

Водитель неохотно поехал, продолжая бурчать, и замолчал только после того, как фары осветили вывеску "Роддом". Гриша сунул ему деньги, позвонил в дверь, завёл жену в вестибюль, и пожилая санитарка немедленно ушла с ней внутрь. Вернувшись, сказала: "Нечего тебе тут делать, иди домой". "Но как же, вдруг что-то понадобится?" — растерянно сказал Гриша. "Завтра приходи, с утра. Раньше ничего не будет!" — и выпроводила.

Выйдя наружу, Гриша с удивлением увидел, что такси стоит на прежнем месте. Водитель вышел и сказал: "Извини, парень, я был неправ. Хорошо, что не посадил вас. Поехали, подвезу тебя до моста, оттуда доберёшься. И денег не надо".

В семь утра Гриша стоял перед закрытой дверью роддома, не решаясь постучать. Через час вышел врач и сказал: "Всё идёт нормально. Раньше полвторого — двух не приезжайте и не звоните".

Приехав домой, Гриша не мог найти себе места, пока его мать не выдержала: "Перестань маяться, займись чем-нибудь полезным. Ты давно собирался покрасить гараж, — так торжественно называли в семье сарайчик под лестницей, где жил Гришин мотороллер. — Как раз успеешь к часу, заодно и польза будет, а то уже краска в банке засыхает".

Мать оказалась права — он успел всё покрасить, вымыть запачканные с непривычки краской руки и раньше назначенного времени опять стоял под заветной дверью. Часа через полтора вышел врач и поздравил Гришу с дочерью, заверив, что с ними обеими всё в порядке. Телефон-автомат рядом с роддомом, конечно, не работал, и Гриша решил уехать без звонков.

Дома его ждал накрытый стол (видимо, ро-

дителям уже сообщили). Только успел он сделать глоток вина, как раздался звонок телефона, стоявшего в соседней комнате. Мать, сидевшая ближе к двери, подошла, сняла трубку и позвала: "Папа, тебя!" Отец Гриши выбрался из-за стола, прошёл через всю вторую комнату и протянул руку к трубке. Только тогда мать, изобразив удивление, спросила: "А ты здесь при чём? Теперь папа — он, а ты — дед, привикай", — и позвала Гришу.

Приняв по телефону чьё-то поздравление, Гриша извинился: "Не сидится. Немного покатаюсь". Езда всегда его успокаивала, заставляя сосредоточиться. Так было и в этот раз — подъезжая к дому, он попытался представить себе, как через несколько дней привезёт сюда не только жену, но и дочь! Свою дочь! Эта образная попытка у него, как ни странно, почти получилась, и он успокоился.

Но вскоре выяснилось, что успокаиваться было рано. У жены начались проблемы с грудью, пошли бессонные ночи, практически пропало молоко, и никакие меры типа питья пива с молоком и других самоистязаний не помогали. Однажды на работе, затягиваясь сигаретой в "курилке", Гриша поделился своими огорчениями с коллегой, ставшим отцом почти одновременно с ним: "Проблемы с молоком?" — "Да". — "И у моей. Вымоталась она совсем". — "И моя. Сил уже нет!" И только через несколько фраз выяснилось, что "молочные" проблемы у их жён одного наименования, но с противоположными знаками: у одной нет молока, а у другой — его избыток и связанные с этим изматывающие процедуры.

Так у Гришиной дочери появилась молочная мама, и он минимум дважды в день ездил к ней за грудным молоком. Однажды при доставании из холодильника выскользнула из пальцев запотевшая бутылочка, разбилась. Его и без того не всегда сытая дочь на полдня осталась без еды; её плач он запомнил надолго.

Через тридцать лет Гриша с женой был в гостях у друзей в Сан-Франциско и узнал, что молочная сестра его дочери лет десять назад стала "Мисс Калифорния".

Декретный и следовавший за ним обычный отпуск закончились, и подошло время Гришиной жене выходить на работу. Она работала в прекрасной школе, очень дорожила замечательными коллегами и учениками, не допускала возможности потери работы, поэтому вариант просьбы об отпуске за свой счёт даже не обсуждался. Нужно было срочно найти няню. Попросили об этом многочисленных знакомых, расклеили объявления и стали ждать звонков.

Проблема оказалась серьёзной. Несколько заведомо неприемлемых предложений были отвергнуты. Наконец, перед самым началом учебного года появился вроде бы неплохой вариант — пожилая опытная женщина, вырастившая двух собственных внуков, в прошлом работница детского сада. От её имени позвонил сын, объяснивший, что звонит он, а не мама, так как она по телефону не всё слышит. Оговорили условия — работа только до середины дня, а оплата не намного меньше зарплаты Гришиной жены. Время поджимало, пришлось согласиться.

Вечером накануне первого сентября Гриша явился по указанному адресу. Его встретила опрятная старушка с тщательно уложенными седыми буклями — "божий одуванчик", как сразу мысленно назвал её Гриша. Он привёл её домой, познакомил с женой и объектом попечения. Няня предложила, чтобы родители утром сами кормили ребёнка, до её прихода вывозили коляску под дерево во двор ("он у вас такой зелёный!"), ставили рядом стул и оставляли завернутую в несколько слоёв шерсти бутылочку для второго кормления ("чтобы я не ходила за ней в квартиру"), а также чистые пелёнки. Перепеленать ребёнка она собиралась прямо в коляске.

Гришину жену такие перспективы насторожили, но что поделаешь — завтра ей начинать учебный год, все остальные члены семьи тоже работают, отменять вариант уже поздно. Решили рискнуть, а Гриша вызвался приехать домой с инспекционной целью во время своего обеденного перерыва (вернее, вместо перерыва — ведь почти всё его время нужно было потратить на дорогу в оба конца).

Въехав во двор, Гриша застал настоящую идиллию: няня мирно посапывала рядом с коляской, свесив голову с буклями на грудь, ребёнок заходил плачем, на нём сидела кошка и, протянув лапу к лицу девочки, пыталась с ней заигрывать. Попытка разбудить няню окликом ни к чему не привела. Тогда Гриша решился на энергичную меру — подкатил мотороллер почти впритык к коляске, завёл двигатель и дал почти полный "газ". На этот раз две из трёх участниц процесса энергично отреагировали — кошка с обижённым видом грациозно выпрыгнула и удалилась, плач дочери стал ещё интенсивнее. Но самая ответственная из них — няня — продолжала блаженно подрёмывать.

После этого у Гриши не оставалось выбора. Он хорошенько потряс няню за плечо; этот способ общения оказался эффективным, так как воздействовал на объект непосредственно, без участия органов слуха. Не слушая попыток оправдания ("я ночью плохо спала и всего на минутку задремала"), Гриша твёрдо заявил, что её работа больше продолжаться не будет, и выпроводил. Занёс дочь домой, перепеленал и накормил. Наконец, позвонил на работу и сказал, что ввиду сложившихся обстоятельств он вернётся только в конце дня (имея в виду, что жена придёт домой сразу после уроков, не задерживаясь).

Самое интересное в этой истории произошло вечером — позвонил сын няни и в полном соответствии с Трудовым кодексом потребовал плату за две недели её работы, т. к. работника заранее не предупредили и уволили по бездоказательным причинам.

После этого смилились ещё две няни. Последняя из них, пожилая женщина, жила у Гриши в семье до тех пор, пока дочери исполнилось четыре года и она пошла в детский сад. Эта няня очень любила ребёнка и в случаях несогласия с линией поведения родителей в отношении их дочери не раз твёрдо заявляла: "Вы не родители, вы вредители". Уехав в своё село, пару раз приезжала навесить воспитанницу, безапелляционно крити-

куя вслух ряд обстоятельств её новой жизни. Употребление дочерью некоторых слов и проишение многих других, усвоенные ею при общении с няней, родителям пришлось терпеливо корректировать довольно долго. Но они оставались благодарны этой малограмотной пожилой женщине за искреннюю, хоть и очень своеобразную, любовь к их дочери.

В детский сад дочь отвёл Гриша. Все члены семьи очень беспокоились, как вырастет вне коллектива ребёнок отреагирует на непривычные для него условия. Гриша на всякий случай предупредил на работе, что он, возможно, в этот день не придёт.

У ворот их встретила воспитательница, добродушно познакомилась с девочкой, взяла за руку и повела на территорию. Гриша, оставив калитку приоткрытой, с опаской смотрел им вслед. Пройдя десяток шагов, дочь обернулась и, увидев отца, спокойно сказала: "Что ты стоишь? Иди на работу, всё хорошо!" В меру успокоенный, но с комом в горле Гриша поехал на завод. Правда, уже не на мотороллере — его, ставшего за одиннадцать лет практически членом семьи, незадолго до этого украли от проходной.

Специальных воспитательных мер к дочери обычно не применяли, считая личные примеры достаточно действенными. Правда, изредка это оказывалось необходимым. Однажды дочь, которой тогда было лет пять, прибежала из двора и возбуждённо обратилась к Грише: "Папа, папа! Лене (соседской девочке, почти ровеснице, отец которой был моряком) её папа купил туфельки — красные, лаковые, такие красивые! Я тоже хочу! Купи мне такие! Купишь? Я очень хочу!"

Гриша посадил дочь на колени, погладил по голове и сказал: "Конечно, куплю. Только я должен тебе кое-что объяснить. Ты знаешь, где работает папа Лены? Нет? Сейчас расскажу. Он работает на большом железном корабле, который уходит в море очень надолго. Я могу уйти со своей работы на заводе и тоже пойти плавать на таком железном корабле. Тогда я смогу привезти тебе такие туфельки. Но учти — я долго не буду бывать дома, только один раз в год, когда у меня будет отпуск, а всё остальное время мы с тобой не будем видеться. Ты согласна?"

В глазах дочери появились слёзы, она обхватила руками шею отца, прижалась к нему и стала просить: "Папочка, пожалуйста, не иди работать на этот противный корабль! Я не хочу, чтобы тебя долго не было! Не надо мне таких туфелек! Я хочу видеть тебя каждый день, гулять с тобой, разговаривать! Не надо надолго уезжать!" Правда, получив заверение, что папа не уедет, с детской непосредственностью спросила: "А обычные, не лаковые, пусть не такие красивые, но красивые мы сможем купить?" И твёрдо добавила: "Но это не обязательно!" Это была первая и последняя в жизни дочери просьба купить ей обновку.

Рассказав о первых отцовских опытах своему другу-журналисту, Гриша услышал в ответ: "Это — готовый рассказ. Напиши его и назови "Как становятся папами". Гриша так и сделал.

Последний французский поэт Одессы

В Одесское общество охраны памятников обратился киевский Музей одной улицы: с просьбой найти сведения о жизни и деятельности в Одессе семьи Вишневских де-Турнефоров и — по возможности — места захоронения. Благодаря материалам Государственного архива Одесской области, историческим запискам А. Маркевича «Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета», воспоминаниям ученика Ж. де-Турнефора — А.М. де-Рибаса — и семейным архивам Вишневских была составлена историческая справка о двух представителях этой фамилии, связанных с Одессой.

Наполеон Луи Жозеф Жюль Вишневский де-Турнефор, римо-католического вероисповедания. Поляк по отцу, француз по матери, родился 31 мая 1812 г. в Аррасе, департамент Па-де-Кале (Франция).

Отец: Жозеф де Вишневский (23.04.1756, Landay — 16.06.1830, Paris) — польского происхождения, «молодая» ветвь князей Вишневских, служивших военными, в том числе и в русской армии, и имевших земли и на территории теперешней Украины (огромное имение Вишневец под Кременчугом);

мать: Антуанетт Жозефин Розали Полин Пит-

тон де Турнефор (1755 — 28.04.1831) — внучатая племянница известного ботаника Турнефора.

В 1827 — 1830 гг. учился в колледже в Манте. В 1830 — 1831 гг. — служба в 19-м пехотном линейном полку. С 1832 г. преподавал в городе Ройс, а затем — в городе Шартре, работал в библиотеке св. Женевиевы, занимался переводом св. Терезы Авильской. Работал в монархической газете «La France», которая издала в 1847 г. его первую поэтическую книгу «Chants des ruines».

Был близок к королевским и литературным кругам Франции, его опекала герцогиня Мария-Каролина Бурбон-Сицилийская, мать короля Генриха V, а литературные таланты поддерживал французский драматург Альфред де Вины.

Жюль Вишневский де-Турнефор являлся автором нескольких поэтических сборников и ряда исторических романов, был известен во Франции и в Европе в целом. В 1857 — 1860 гг. читал лекции по французской литературе в С.-Петербургском университете. По политическим мотивам в 1863 г. был вынужден переехать из Парижа в Одессу и благодаря протекции Ивана Тургенева в 1863 г. был определен лектором французского языка в Ришельевский лицей.

После основания Новороссийского университета стал первым лектором французского языка, параллельно преподавал в институте благородных девиц. Часто выступал с публичными лекциями по истории французской лите-

ратуры, которые позднее вышли отдельным сборником. В 1873 г. выпустил в Одессе итоговую книгу поэзии.

«Поэт не в одних своих стихотворениях, но в светлом отношении к жизни, он имел дар увлекательно говорить, что можно было слушать целыми часами с истинным наслаждением», — писал А.М. де-Рибас. И далее: «...он был встречаем во всех домах с исключительной любезностью. Но вдруг произошло нечто невероятное. Его перестали принимать... Произошло это от того, что Турнефор влюбился в одну еврейку (...) и написал и напечатал посвященное ей прелестное стихотворение». Эту женщину он увидел мельком, когда она меняла деньги у меня. Она очаровала его библейской красотой. И эта поздняя платоническая любовь погубила Турнефора. До поздней ночи он сидел перед зеленой лампой и писал стихи» (А.М. де-Рибас. «Смерть поэта»). Он остался совсем одиноким, потерянным, заболел и решил, что выздоравливать не стоит.

Ему остались верны Александр Михайлович де-Рибас и Торшин (его ученики). Они сидели у умирающего Турнефора до его последнего вздоха в доме Карузо (ул. Ланжерновская, 28).

Умер Ж. де-Турнефор 23 мая 1876 г. Его похоронами на I Христианском кладбище занимались А. де-Рибас и дочь городского головы Новосельского Мария Бушен.

По воспоминаниям современников, он был

последним французским поэтом Одессы. Награжден за особые заслуги орденом св. Анны III степени.

От брака с Мари Шарлоттой Антуанеттой Жофруа (1829 — 1905, Париж) родились четыре сына. Старший сын Иосиф Юльевич де Турнефор интересуют нас больше, так как его жизнь связана с Одессой.

Родился 23 апреля 1848 г. в Париже. Статский советник, преподаватель французского и немецкого языков в мужских и женских гимназиях Симбирска, Нижнего Новгорода и т. д. Преподавал французский язык молодому А.П. Чехову в Таганроге.

Выйдя на пенсию, вернулся в Одессу, куда приезжал из Парижа еще в 1867 году к отцу.

В Одессе продолжал преподавание языков, консультировал студентов университета. Известный в своё время библиограф, автор исторических записок о гимназиях.

Участник русско-китайской войны. Прямой потомок великого французского ботаника, автора классификации растений, писателя и путешественника Жозефа Питтона де Турнефора. Родственник Августа Шапеллона, профессора Новороссийского университета, общественного деятеля, соратник городского головы Г. Маразли.

Умер 14 июня 1911 г. Похоронен на 94-м участке II городского кладбища. Могила и памятник сохранились.

И. АРУТЮНОВА, Д. ШЛЁНСКИЙ.

Евгений ДЕМЕНОК

Хлебников как художник

«Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью»... Эти слова принадлежат удивительному человеку, намного опередившему своё время, «председателю земного шара» Велимиру Хлебникову.

Хлебников известен нам в первую очередь как поэт. Затем — как прозаик, драматург, философ, мистик... О живописных опытах Хлебникова известно меньше, хотя об этой грани его таланта писали Александр Парнис и Дмитрий Сарабьянов, Рудольф Дуганов и Владимир Альфонсов.

Корпус литературы о Хлебникове огромен и постоянно пополняется. Если рассматривать только воспоминания, их оставили Юрий Анненков и Николай Асеев, Осип и Лиля Брики, Василий Каменский и Рюрик Ивнев, Алексей Кручёных и Валентин Катаев, Михаил Матюшин и Пётр Митурич, Владимир Маяковский и Роман Якобсон и многие, многие другие. Разумеется, свои воспоминания о Велимире Хлебникове оставил и Давид Бурлюк, однако долгое время — до публикации в 1994 году в Санкт-Петербурге его «Фрагментов из воспоминаний футуриста» — они были недоступны в Советском Союзе, а затем и в России, в Украине. Однако эти фрагменты — далеко не всё, что Бурлюк написал о Хлебникове. Интереснейшие воспоминания опубликованы в издававшихся Давидом и Марусей Бурлюками в Америке журналах «Color and Rhyme». За сорок лет, с 1930-го по 1970-й год, было выпущено шестьдесят шесть номеров журнала — на русском и английском языках. Воспоминания о Хлебникове опубликованы в 55-м и 66-м номерах; в 49-м номере опубликована статья Марии Никифоровны Бурлюк «Хлебников в Михалёве» из готовившейся к печати книги «Маяковский и современники».

Пятьдесят пятый номер журнала «Color and Rhyme», в котором собраны материалы за 1964 и 1965 годы, был выпущен в честь 82-летия Давида Бурлюка. В этом номере Хлебникову посвящены несколько разделов: «Бурлюк и Хлебников в современной Польше. Ян Спивак — его книга о Хлебникове», «В. Хлебников и семья Бурлюк: 1909 — 1915. Даты дружбы с великим поэтом», а также опубликовано стихотворение Хлебникова о Бурлюке. В 66-м номере «Color and Rhyme», вышедшем в 1970-м году, уже после смерти Давида Давидовича и Марии Никифоровны, опубликована статья Давида Бурлюка «Рисунки Хлебникова, их почерки, почерк его рукописей» и фрагменты воспоминаний Маруси Бурлюк о Хлебникове.

Интересно, что Бурлюк выделяет в отдельную главу воспоминания о Хлебникове как художнике, высоко оценивая эту грань хлебниковского таланта. Интересно и то, что сам Бурлюк считал себя в равной степени и художником, и поэтом.

Начало прошлого века — уникальное время, когда живопись и поэзия шли рука об руку, совместно развивались и обогащали друг друга. «Русская живопись новых направлений, развивавшихся в предреволюционное десятилетие, не раз была предметом сопоставлений с поэзией. Важным поводом для такого сопоставления стало то обстоятельство, что живописцы и поэты подчас выступали совместно. Кроме того, многие поэты были одновременно живописцами, а живописцы — поэтами. В качестве примеров чаще всего фигурируют Маяковский и Давид Бурлюк, учившиеся в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и исключённые оттуда за демонстративную деятельность эпатажного свойства; Хлебников, Каменский и Кручёных, которые рисовали и писали маслом; Елена Гуро, иллюстрировавшая собственные книжки; Кандинский, Филонов и многие другие. <...> Неведомое доселе сближение живописи и поэзии было фактом повсеместным», — пишет Дмитрий Сарабьянов в своей статье «Неопримитивизм в русской живописи и футуристическая поэзия 1910-х годов», вошедшей в сборник «Русская живопись. Пробуждение памяти».

Это сближение живописи и поэзии присутствовало в полной мере и творчеству Велимира Хлебникова. Интерес Хлебникова к живописи не мог не отразиться в его литературных произведениях. Герои некоторых поэм и рассказов — художники, как его младшая сестра Вера, самый близкий для него человек в семье. Множество раз упоминает он в своих произведениях имена реальных живописцев — это Мурильо и Хокусай, Корреджо и Гойя, Брюллов и Петров-Водкин, Малявин и Коровин, Филонов и Гончарова, Татлин, и Лентулов, и, безусловно, братья Бурлюки. Приведу лишь несколько цитат. Первая — из поэмы «Ладомир»:

Туда, туда, где Изага
Читала «Моногатори» Перуну,
А Эрот сел на колени Шанг-Ти,

И седой хохол на лысой голове
Бога походит на снег,
Где Амур целует Маа-Эму,
А Тиэн беседует с Индрой,
Где Юнона с Цинтекуатлем
Смотрят Корреджо
И восхищены Мурильо?
Где Ункулункулу и Тор
Играют мирно в шашки,
Облокаются на руку,
И Хоккусаем восхищена
Астарта, — туда, туда!

А вот цитата из поэмы «Война в мышеловке»:

Котенку шепчешь: «Не кусай».
Когда умру, тебе дам крылья.
Уста напишет Хокусай,
А брови девушки — Мурильо.

В своей статье «Художники мира» Хлебников призывает художников и мыслителей к созданию общего для всех народов Земли письменного языка и пишет, что «живопись всегда говорила языком, доступным для всех». Он пишет: «Языки изменили своему славному прошлому. Когда-то, когда слова разрушали вражду и делали будущее прозрачным и спокойным, языки, шагая по ступеням, объединили людей... Теперь они, изменив своему прошлому, служат делу вражды... <...> Пусть один письменный язык будет спутником дальнейших судеб человека и явится новым собирающим вихрем, новым собирателем человеческого рода. Немые — начертательные знаки — помирят многоголосицу языков».

На долю художников мысли падает построение азбуки понятий, строя основных единиц мысли — из них строится здание слова. Задача художников краски — дать основным единицам разума начертательные знаки».

Парадоксально, но это так — поэт ставил на первое место именно художественный, изобразительный язык.

«У художников глаза зоркие, как у голодных», — заметил однажды Хлебников. Он знал, о чём говорил, ведь среди художников Виктор Владимирович провёл большую часть жизни. Они были ему, пожалуй, даже ближе, чем литераторы. В разные годы Хлебников был близок с Михаилом Матюшиным и Еленой Гуро, Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой, Павлом Филоновым, Владимиром Татлиным. Художниками по образованию были и его литературные соратники Алексей Кручёных и Владимир Маяковский. Как я уже писал, художницей была его младшая сестра Вера, вышедшая впоследствии замуж за художника Петра Митурича, свидетеля последних дней «председателя земного шара». Одними из первых художников, с которыми сдружился Хлебников, были Давид и Владимир Бурлюки. Сдружился — и попал под их влияние.

Велимир Хлебников. Портрет Веры Хлебниковой.

В «Полутораглазом стрельце» Бенедикта Лившица есть интересный эпизод — о том, как Хлебников взял в руки кисть, будучи в гостях у Бурлюков, в Чернянке:

«Необычайная плодovitость обоих братьев невольно порождает мысль о лёгкости искусства живописи вообще. Не в этом ли следует искать причину того странного явления, что все более или менее близко соприкасавшиеся с Бурлюками испытывали неодолимое искушение взять в свои руки кисть? О членах их семьи я уже не говорю: за исключением отца и младшей сестры, Марианны, все отдали дань заразе».

Хлебников, гостивший в Чернянке за полгода до меня, также не избежал общей уча-

сти. Впрочем, о нём следовало бы выразиться иначе, так как он проявил себя настоящим живописцем. Давид показывал мне женский портрет маслом, его работы: это было вне школы, вне направлений, но дилетантизмом и не пахло. К сожалению, в моей памяти этот портрет сливается с другим «ренуаровским», который Хлебников в тринадцатом году писал в Петербурге в моём присутствии». Портрет, который писал Хлебников в присутствии Лившица, был портретом Ксаны Пуни, жены художника Ивана Пуни — этот эпизод подробно описан в «Полутораглазом стрельце».

Дилетантизмом и не пахло потому, что живописные опыты Хлебникова в Чернянке были отнюдь не первыми. Его первые систематические занятия живописью и рисунком начались ещё во время учёбы в старших классах гимназии, в 1901 — 1903 годах. Исследователи его творчества пишут, что он посещал тогда рисовальный класс Казанской художественной школы и занимался с преподавателями дома.

Варвара, сестра матери Хлебникова Екатерины Николаевны, писала из Петербурга Владимиру Алексеевичу, отцу поэта: «На долю Шуры, Вити и Веры выпадает больше похвал, чем на долю старших. Витя всегда занят чем-нибудь. На него произвел впечатление в Мурине художник, срисовывавший с натуры, и он часто спрашивает, будет ли и он уметь рисовать, когда вырастет. Мне кажется, что у него есть способность к рисованию — от тебя унаследовал. Дети решили, что он будет художником, а Боря музыкантом». В другом письме Варвара Николаевна пишет: «Витя готов целые дни рисовать или слушать рассказы и чтение».

Виктор рисует портреты, небольшие пейзажные этюды. К периоду окончания гимназии относится и большой живописный портрет отца. И всё же именно графика удаётся Хлебникову больше всего. Его моментально узнаваемые, уникальные графические портреты станут со временем объектом коллекционирования. Его рисунки высоко ценили современники — они были в собраниях Н. Евреинова, Юрия Анненкова, Ю. Соколова и других.

Велимир Хлебников. Портрет отца.

Самые известные портреты относятся к первой декаде прошлого века. Это портрет сестры Веры; портрет Алексея Кручёных, выполненный в 1913 году — в пору наибольшего их сближения, тогда ими совместно была издана поэма «Игра в аду»; портреты Владимира Татлина, Владимира Маяковского, Петра Митурича и, конечно же, два знаменитых автопортрета 1909 и 1922 годов.

Велимир Хлебников. Автопортрет.

Часто параллельно с графическими портретами Хлебников создавал и литературные портреты. Вот, например, стихотворение «Алёше Кручёных»:

Игра в аду и труд в раю —
Хорошеуки первые уроки.
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время —
Сим победиши!

Ещё одно стихотворение, посвящённое Кручёным, Хлебников написал в 1921 году, почти одновременно со стихотворением «Бурлюк».

Лондонский маленький призрак.
Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней
Прилепил к сибирскому зову на «чоных».
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.
Лицо англичана крепостного
Счетоводных книг,
Усталого от книги.
Юркий издатель позорящих писем,
Небритый, небрежный, коварный,
Но девичьи глаза.
Порою нежности полный.
Сплетник большой и проказа,
Выгоды личной любитель.
Вы очаровательный писатель —
Бурлюка отрицательный двойник.

«Бурлюка отрицательный двойник»... Хлебников писал эти строки спустя несколько лет после их последней с Бурлюком встречи...

В 1910 году Хлебников создал два знаменитых портрета Владимира Татлина — графический и стихотворный. Вот несколько строк из стихотворного портрета:

Татлин, тайновидец лопастей
И винта певец суровый,
Из отряда солнцеловов.
Паутиный дол снастей
Он железною подковой
Рукой мертвой завязал
В тайновиденье щипцы.
Смотрят, что он показал,
Онемевшие слепцы.
Так неслыханны и вещи
Жестяные кистью вещи.

Этот портрет Татлина неуловимо похож на первый, знаменитый автопортрет Хлебникова 1909 года.

Для Хлебникова характерно соединение слова и рисунка, и его рукописи — пример такого, зачастую гениального, сочетания. Иногда, не найдя ещё нового слова для отображения своей мысли, Хлебников заполнял его место рисунком. На пересечении изображения и слова как раз и возникали самые необычные образы. В рукописях Хлебникова рисунок часто предшествует слову, оно словно выплывает, рождается из него.

«Я спросил, был ли Хлебников живописцем, и он показал мне свои ранние дневники, примерно семилетней давности. Там были цветными карандашами нарисованы различные сигналы. «Опыты цветной речи», — пояснял он мимоходом», — вспоминает Роман Якобсон о своей первой встрече с Хлебниковым, состоявшейся 30 декабря 1913 года в Петербурге, у Хлебникова дома.

И действительно, многие рукописи Хлебникова представляют собой не только литературную, но и художественную ценность. Это сразу понял Давид Бурлюк, уже в марте 1910 года организовавший в рамках выставки «Треугольник», проходившей в Петербурге, выставку рисунков и автографов русских писателей.

Бурлюк, немедленно распознавший и высоко оценивший талант (хотя вернее было бы сказать — таланты) Велимира Хлебникова, не мог не обратить внимания на изобразительный дар поэта. Уже уехав в Америку, он неоднократно записывал свои воспоминания о встречах с Хлебниковым, в том числе — о его опытах графика и живописца.

7 октября 1938 года жена Бурлюка Мария Никифоровна переписала в свой дневник, опубликованный в вышедшем уже после смерти Давида и Маруси Бурлюков 66-м номере журнала «Color and Rhyme» (1967 — 1970), статью Давида Давидовича «Рисунки Хлебникова, их почерки, почерк его рукописей». Вот фрагменты из неё:

«В 1910 году на углу Невского и Александровского сада в Питере я организовал первую выставку: «Рисунки русских писателей». Я посетил Венгерова, достал у него рисунки Пушкина, Лермонтова. Там были представлены мной манускрипты и картины Андреева,

Вероника КОВАЛЬ

Кавказская эпопея князя Гагарина

Старинное село Карачарово, что в Тверской области, получило название по имени первых владельцев-татар — братьев Карачаров. Здесь, на высоком берегу Волги, сейчас располагается одноимённый санаторий. Среди стандартных строений между рекой и роскошным парком выделяется светлое здание, явно старинное, со следами реставраций. Взор притягивают простота и изящество архитектуры, легкий сквозной балкон, выходящий на спокойную реку и заволажкие леса. Я оказалась возле него июльским вечером, когда закатное солнце легло на стены розовой тенью. Осмыслить, что это за усадьба, я не могла — меня привели сюда горестные события. В памяти осталась только мемориальная доска на здании, свидетельствующая о том, что хозяином усадьбы был князь Григорий Григорьевич Гагарин (1810 — 1893 г. г.) и что владельцем её он стал в конце 40-х годов XIX века.

Гораздо позже, уже в Одессе, я вспомнила свои впечатления и предположила, что Григорий Григорьевич наверняка связан с одесскими князьями Гагариными. Ради интереса я подняла материалы. Да, родство отыскалось. Но более удивительным оказалось то, что имя Григория Гагарина тесно связано с именем Михаила Семёновича Воронцова! А именно — почти семь лет он служил на Кавказе под командованием ситятельного князя. Да и сам князь Григорий оказался универсальной личностью. Он прожил долгую жизнь, занимался огромным количеством дел, и везде ему сопутствовал успех.

Публикаций о персоне князя Гагарина в настоящее время немало. Но художественное наследие долго оставалось неизученным. Благодаря искусствоведа А.Н. Савинову оно попало в историко-культурный контекст эпохи. Наиболее подробно "воронцовский" период его жизни изложен в статьях писателя, знатока истории Кавказа Хаджи Мурада Доного.

Григорий Григорьевич Гагарин принадлежал к древнему княжескому роду, берущему начало от Ивана Стародубского — одного из сыновей великого князя Владимирского и Суздальского Всеволода Большое Гнездо. В числе его прямых предков — Владимир Святой, Ярослав Мудрый и Юрий Долгорукий. Григорий Григорьевич, его родной брат Евгений Григорьевич (1811 — 1886 г. г.) и Дмитрий Иванович (1799 — 1875 г. г.) принадлежали к младшей ветви старинного рода, идущей от общего предка Ивана.

Евгений Григорьевич, чиновник Министерства иностранных дел, в 1838 году женился на Марии Александровне Стурдза, отец которой принадлежал к старинному молдавскому

боярскому роду. Фамилия эта почитаема в Одессе из-за общественной, благотворительной и литературной деятельности Александра Скарлатовича. После женитьбы Евгений вышел в отставку и поселился в Одессе, жил как благотворитель и известный в городе барин. Вместе с супругой он основал одесскую Стурдзовскую богадельню и наряды с княгиней Е.К. Воронцовой в 1854 году стал её попечителем. Сыновья его Юрий и Феофил стали основателями Черноморско-Дунайского пароходства.

Дмитрий Иванович, генерал-майор, один из первых граждан Одессы, был какое-то время керченским градоначальником, а также инспектором одесского карантин. Ему принадлежало величественное здание в Одессе, известное как дворец князей Гагариных, а ныне — как Литературный музей.

Чем же занимался и чем прославился близкий родственник одесских Гагариных — князь Григорий Григорьевич?

Военный, дипломат, художник, исследователь искусства, архитектор, мастер монументальной живописи и реставрации, вице-президент Академии художеств, книжный иллюстратор, этнограф, путешественник... Можно добавить — человек, весьма уважаемый и необычайно популярный в придворных и дворянских кругах. Таким остался в истории князь Г. Гагарин.

При всей широте диапазона его интересов самым глубоким, пожалуй, было изобразительное искусство. Григорий не получил профессионального образования, но обучался рисованию дома. К тому же пример отца, занимавшегося живописью, общение с прославленным художником Карлом Брюлловым сослужили юноше хорошую службу. Пребывание в Италии, работа при русских посольствах в Париже, Риме, Константинополе, Мюнхене, прослушанный общеобразовательный курс, а также лекции по строительному искусству и живописи в Сорбонне, путешествия по Европе и Востоку сделали его человеком широко образованным.

В 1839 году молодой дипломат окончательно вернулся в Россию, где ранее бывал наездами, и оказался в центре культурной жизни. Достаточно сказать, что он был знаком с А. Пушкиным, В. Жуковским, А. Одоевским, М. Лермонтовым. Сохранился рисунок, изображающий сцену сражения на реке Валерик, который создали вместе Лермонтов и Гагарин. Однако князь к удивлению всех решился на крутой поворот в своей судьбе. Он добровольцем отправился воевать на Кавказ.

Оказалось, что Гагарин не только талантливый дипломат, но и способный офицер. Более десяти лет он участвовал во многих сражениях, познал все тяготы армейской службы. За храбрость и мужество получил несколько боевых орденов и вырос от поручика до полковника.

В 1848 году Гагарин был отправлен в распоряжение главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом и одновременно наместника Кавказского округа князя М.С. Воронцова "...с тем, чтобы он был употребляем в ученом и артистическом отношении". Поскольку фотография в то время только начала появляться, имела место практика прикомандирования художников к действующей армии. Художники нужны были как свидетели битв и армейской службы, но свидетели, способные запечатлеть их на бумаге и холсте, чтобы донести эти события до потомков.

Молодой офицер в горном крае много и плодотворно работал. Кроме непосредственного участия в сражениях он занимался живописью, реставрацией уникальных памятников, литографий, являлся членом некоторых научных обществ. Художник изображал сцены боя, сборы солдат по тревоге, приготовление пищи в походе, перестрелку с неприятелем, перевозку раненых. Он не приукрашивал действительность, не писал парадных портретов. Но на его реалистических картинах чувствуется некий налёт романтизма.

Михаил Семёнович Воронцов стремился понять особенности сложного края, традиции и обычаи кавказских народностей, хотел добиться взаимопонимания с местным населением. Вероятно, поэтому он не препятствовал (а может быть, благоволил) своему художнику в изучении истории, быта, искусства, этнографии и создании огромного количества характерных зарисовок женских и мужских типов, сцен на базарах, возле домов, на свадьбах.

Позднее князь Гагарин увлекся церковной живописью. Он глубоко изучил живописные традиции средневековой Византии и пытался возродить их в России. Он и сам расписывал православные храмы. Григорий Григорьевич был известен и как иллюстратор. Его рисунки к повести В. Соллогуба "Тарантас" и к "Пиковой даме" А. Пушкина стали классикой жанра.

Но вернёмся к кавказской эпопее князя.

Гагарина заинтересовала личность предводителя горцев имама Шамиля. Он взялся за создание картины на тему более чем десятилетней давности — "Свидание генерала Кюки фон-Клюгена с Шамилем". На картине изображен момент переговоров генерала с Шами-

лем, расположившихся на скалистом выступе. Шамиль в красной одежде и белой чалме более похож на смиренного священнослужителя, чем на предводителя грозных горцев.

Во время пребывания Гагарина при князе М.С. Воронцове произошло важное событие: Хаджи Мурад, знаменитый наиб Шамиля, перешел на сторону русских. В письме военному министру князю А. Чернышеву Воронцов писал о том, что знаменитый наиб приехал в Тифлис 8 декабря. "На следующий день, — писал он, — я познакомился с ним и дней 8 или 9 говорил с ним и обдумывал, что нам делать с ним теперь, т. к. он очень сильно заботится о судьбе своего семейства и говорит со всеми знаками полной откровенности, что, пока его семейство в руках Шамиля, он парализован и не в силах услужить нам..."

Возможно, Воронцов предложил Гагарину запечатлеть знаменитого наиба, или сам художник не мог пропустить случая, чтобы не зарисовать такую известную личность. 20 января 1852 года Гагарин карандашом выполнил портрет Хаджи Мурада, который по сей день является самым точным изображением этого горца, поскольку Гагарин — единственный, кто рисовал его с натуры.

События тех лет, что были проведены Гагариным на службе у князя Воронцова, запечатлены во множестве его работ — акварелей, рисунков, картин за подписью "Г. Г. Г.". Часть их собрана в двух прекрасно изданных в Париже альбомах — "Живописный Кавказ" и "Костюмы Кавказа". Эти зарисовки до сих пор являются неоценимым пособием для историков и этнографов.

Оставил князь память о себе и в Грузии. Он проделал немалую работу по восстановлению древних памятников (например, им были реставрированы фрески Мцхетского собора). По проекту Гагарина в Тифлисе был построен театр. Одно время он был директором по художественной части гранитной фабрики.

В 1855 году судьба князя Гагарина вновь переменялась. Император Александр II предложил Григорию Григорьевичу — как непревзойдённому знатоку искусства — занять пост вице-президента Императорской академии художеств. Президентом была великая княгиня Мария Николаевна — старшая дочь Николая I и сестра Александра II. Но, разумеется, фактически все управление академическими делами лежало на вице-президенте. Он также был избран помощником председателя Императорского русского археологического общества, был действительным членом Общества поощрения художников.

В тот период жизни Григорий Григорьевич подолгу жил в Карачарове и обустроивал свое имение. Тогда по типу лондонского Гайд-парка был создан парк, который состоял из 54 аллей: липовой, дубовой, берёзовой и т. д., — каждая из которых заканчивалась сюрпризом. Сегодня из них сохранились лишь восемь.

Рядом, в селе Сучки, при церкви была открыта школа. Основные расходы по ее содержанию несла семья князей Гагариных. Художником были приглашены две учительницы — сёстры Никоновы из земской школы. В школе обучались около 80 крестьянских детей. Иногда ученики из дальних деревень оставались ночевать, и им готовили пищу. Здесь Гагарин написал икону во имя Святителя Николая и другие образа.

Скончался Григорий Гагарин во Франции, но завещал похоронить себя в Карачарове. Его последняя воля была исполнена. Правда, сейчас это чья-то частная территория, заросшая бурьяном, рядом со здравницей. Когда я покидала Карачарово, на автобусной остановке пожилая женщина рассказывала об этом мальчику и даже показала направление, где должна быть могила князя. А совсем недавно в одной из подборок материалов о Григории Григорьевиче я обнаружила сделанный в 2000 году снимок кладбищенской стелы — полуразрушенной, но с сохранившимися фамилией и именем князя Григория Григорьевича Гагарина. Есть ли памятник сейчас и в каком он состоянии — неизвестно.

Искусству князь Гагарин служил долго и беззаветно. Творческое наследие его составляют сотни работ, а с набросками и зарисовками — тысячи. Кавказская страница в его художественном наследии является одной из самых ярких. Для нас она особенно интересна в связи с дорогой для одесситов фигурой князя М.С. Воронцова.

Г. Гагарин. Кавказский мотив

Тина АРСЕНЬЕВА

Преследуя недостижимое

В теплую осень 2013 года над кручами реки Тахо стояла неимоверной величины звезда. Сезонная Венера. Соблазнительное зрелище, когда у тебя в руках наконец-то профессиональная «зеркалка». Правда, ничего путного я на выходе не получала. Вот как снимали ту испускающую лучи звезду в «Тенях забытых предков»? Фильтры специальные применяли, что ли?... Изничтожив множество кадров в беготне по окружной дороге, в глухих потемках нырляя я в расщелину улочки.

На скалистом плато, обрывающемся к реке, раскинулся — нет, сбился в монолит кубами зданий со стрельчатой доминантой собора — имперский град Толедо.

Третий год подряд, приезжая сюда в отпуск, я безуспешно гонюсь, как за той звездой над кручами, за молодой толеданкой. Она — где-то в фестивальных поездках. Я твердо знаю, что она — звезда первой величины. Этого еще не поняли во всей Испании — кто же пророк в своем отечестве? Правда, эта хрупкая женщина, по выходным дням сидящая с клавишной скрипкой у соборной стены, уже слывет неременной туристической маркой. И даже в этом же 2013 году отмечена в своем городе «Региональной премией популярности». Но я скажу того серьезнее: она — не что иное как Голос этого ни на какой другой не похожего города. Певческое выражение его суровой, печальной и нежной души. И по всему, что сделала в избранной ею музыкальной сфере, уже стоит вровень с такими звездами этно как Горан Брегович и Дживан Гаспарян.

...Надо ли, кстати, объясниться? У себя в Одессе, произнеса «Толедо», я не единожды слышала в ответ: «А где это?» Как будто вовсе не читали эти не самые дремучие люди Сервантеса или Фейтвангера, не видели картин Эль Греко хотя бы в репродукциях.

Толедо — изначальная столица Испании: официальное исчисление возраста города под названием Толетум начинается в 192 году до нашей эры, с завоевания территории римлянами. С V столетия нашей эры — столица христианского вестготского королевства. В 711 году город был завоеван мусульманами и назвался Тулайтола; в 1085 году был освобожден в ходе Реконксты христианами войсками короля Альфонсо VI. Военным командантом Толедо стал тогда известный филологам и знатокам голливудской продукции Сид — Родриго Диас де Вивар, Эль Сид Кампеадор. Господин Воитель. Толедо — духовный центр Испании. Столичный статус город утратил в 1561 году, но как был, так и остается средоточием испанской духовности. Такая вот справка.

Не видевший Толедо — не увидел Испании. Теперь Толедо — областной центр: столица провинции Кастилия Ла Манча. Автобусом от Мадрида минут сорок. В городе около 85 тысяч жителей. Историческое ядро города называется в Испании «Каско» — Каско де Толедо целиком включен в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Сегодня тебе на каждом шагу напоминают: «Толедо — город трех культур» — испанской, арабской, еврейской.

Она оказалась звездой. Без преувеличений и сомнений! На одном диске, «Viola de Teclas», она записала музыку эпохи Ренессанса, в ансамбле, в котором играла на виоле (вспомните-ка, на чем в свое время поднялись «Виртуозы Москвы»), которым еще предстояло тогда доказать свою виртуозность». Второй диск, «Como la Luna y el Sol» («Как Луна и Солнце») — был ее авторский альбом, записанный в ансамбле: аранжировка и исполнение ею, этой уличной певицей, старинного песенного фольклора испанских евреев — «сефарди». Имя девушки — Ана Алькайде: Ana Alcaide.

«Как я угадал, о, как я всё угадал!» — воскликнул, помните, Мастер. Сердцевина гениальности: угадать. Постичь суть. Ана Алькайде — угадала. Ей оказалось дано — выразить сокровенное: душу древней Ла Манчи, припечатанную семитским Востоком. Выразить музыку, голосом. Всем строем этих невест где собранных мелодий Средиземноморья. «Чтобы выполнить эту работу над альбомом, я прослушала множество полевых записей, сверялась с множеством песенных сборников и изучала то, что другие артисты проделали до сих пор с этим материалом. Наконец, выдала мое собственное видение. Жаль, я не принимала участия ни в какой фольклорной экспедиции, это было бы восхитительно!.. Я базировалась на записях, которые уже были сделаны», — скажет она мне в интервью несколько лет спустя; в альбом она включила фрагмент записи аутентичного народного пения...

Ах, как нераздельны эти мелодии с Толедо: кажется, ими вибрирует здесь воздух — их слышишь нутром в теснинах улиц, еще ни ра-

зу не слышав ушами; их ритмам подчинены каменные брусья колоколен — бывших минaretов. Что тут скажешь — изумительное у девушки чувство стиля!..

Сефарди (с ударением на «и») — особенная статья в истории Испании. Еврейство было здесь, можно сказать, коренным населением, еще до вестготов, и во многом определило культурный облик полуострова. Депортированная в 1492 году королевой Исабелью Католичкой, еврейская диаспора рассеялась по странам Средиземноморья и по сей день сохранила в своей среде старокастильское наречие. И — вот же песнь Судьбы: не «в следующем году в Иерусалиме» — нет, сефарди страстно устремлены на запад, в Сефарад, как называли здешние евреи Иберийский полуостров.

Вековечную мечту иберийских евреев о Сефарде во многом осуществил Франсиско Франко во время Второй мировой войны, спасая их десятками тысяч от уничтожения Гитлером. Впрочем, об этом вы теперь свободно прочтете в Интернет-источниках...

«Играя на клавишной виоле, я начала открывать красоту этой музыки и знакомиться с историей, которую заключали в себе эти песни. Город Толедо и его улицы были моей повседневной округой для вдохновения и подмостками, где вырос мой интерес к прошлому наших сефарди. Так я погрузилась в этот традиционный репертуар и выбрала эти мелодии, с которыми попыталась создать мою собственную музыкальную вселенную. Большинство из них — короткие и безыскусные, так что я добавила свою музыку как расширение, переработала некоторые из них и адаптировала тексты на средневековом кастейяно, на котором говорят сефарди. Слушая их, я восхищаюсь и содрогаюсь: этот язык и эти песни, которые странствовали и скитались по Средиземноморью с культурой сефарди, реально не принадлежат никакому месту — и всем одновременно. Альбом — мое маленькое приношение этому народу», — написала Ана Алькайде, испанка, в предисловии к своему диску.

Но есть в ее предисловии к авторскому альбому еще одно, особенное, признание. Вот оно: «Всё, чего страстно желаю, но никогда в жизни не имеем». Вот, собственно, что хотела она выразить сборником «Como la Luna y el Sol»!.. «Преследуя недостижимое» — ее девиз, предваряющий этот альбом.

Она, понятное дело, ничего не знает о русском писателе Александре Грине. О его Лиссах и Зурбаганах, в сердцевине которых — Одесса. Толеданке Ане Алькайде не введома легенда о Фрези Грант — Бегущей по волнам...

Но экзальтация ностальгии, тоска по несбыточному, рывок в запредельное... да в этом весь Толедо, с его великими святыми-мистиками — Тересой Авилаской (полуеврейкой, к слову) и Иоанном Креста, одним из величайших поэтов европейского Ренессанса.

...Мчит автомобиль среди унылых равнин Ла Манчи, рассеченных грядями холмов, и разит тебя в сердце «Пасакалья сефарди», причудливо сплавившая в себе арабский и еврейский мелосы с европейским балладным строем. Нет, она не звучит из автомобильной радиоточки, но ошутимо дрожит в знойном воздухе струной никельварфы, скрипки Аны Алькайде.

Ана родилась в 1976 году в Мадриде. В детстве играла на скрипке: ее первым музыкантом-педагогом была Май Мехиас, о которой Ана говорит с благодарностью и с которой до сих пор поддерживает дружеские отношения. А затем Ана окончила Мадридский университет — как биолог. И поступила в консерваторию города Мальме в Швеции, избрав инструментом никельварфу: старинную шведскую клавишную скрипку. В девушке сразу проявились качества лидера: она легко собирала ансамбли под свои проекты.

Она, что называется, сама себя делает. Три года, не заставая ее в городе во время моих отпусков, я следила за ее творчеством в «Фейсбуке». Сначала в Сеть попал ее клип «Как Луна и Солнце». Чудо: незаметная девушка, такой себе уличный воробушек, оказалась красавицей! У нее обнаружился дар киногенности — свойство почти мистическое, с повседневным обликом носителя не связанное. И она, скажу вам, хорошела с каждым годом, обретая наконец романтическую внешность тех самых прекрасных дам, ради которых и слагались баллады.

На фотографиях альбома «Как Луна и Солнце» Ана, худенькая, с неправильными чертами, в длинном платье и грубых башмаках, позиционирует себя как обитательницу заброшенных паутинных чердаков. Наверное, на та-

ких чердаках таятся полуистлевшие нотные записи, в которые нужно вдохнуть жизнь. Теперь понимаю смысл этих «хипповых» фоток: Ана — дуэнде!..

«Ана вот-вот должна рожать и переехала из Каско в микрорайон», — обрадовали меня в очередной мой приезд парни из музыкальной лавочки на склоне Кардинала. В истекшие три года Ана Алькайде не пропущала малейшего шанса появиться на публике. Средств для «раскрутки» она не имела. Энтузиазма — хоть отбавляй. По воскресеньям, уже привычно для горожан, одетая в длинное платье, садилась со своей скрипкой у соборной стены. Участвовала в фестивалях этномызыки в Испании и Германии. Давала бесплатные концерты всюду, где ей готовы были предоставить место: в клубах, храмах, синагоге, закрытых патио Толедо, городах и местечках Ла Манчи и других провинций. В Испании нет филармоний. Никакого, не в пример нам, трудоустройства выпускника консерватории хотя бы и на скромную зарплату.

Ана Алькайде избрала нелегкий путь: музыкальный жанр, что ни говори, для сравнительно узкого, специфического, круга слушателей — любителей старины и ценителей фольклора. Да, средневековые мелодии — это тоже молодежный тренд, но на широкого ли потребителя?

Из интервью: «Музыка — всепоглощающее посвящение, она позволяет тебе делать нечто, что любишь как образ жизни. С другой стороны, всегда, когда превращаешь нечто в профессию, оно приобретает компоненты рутины и обязанности, и важно быть начеку и поддерживать хорошие отношения с этими вещами. Лично я много раз в моей жизни применяла музыку в качестве убежища. Она меня поглощает настолько, что позволяет сбегать. В этом есть опасность: если не установишь ограничений, то искусство может тебя поглотить совершенно, столь же к худу, сколь и к добру. В моем деле, считаю, важно искать равновесие с личной жизнью и держать ноги на земле. Конфликты такого рода — общие для личностей, которые делают что-то со страстью, будь это рискованные виды спорта или артистические профессии, в которых очень трудно учредить пределы. Стиль, который я избрала, таков, с которым наиболее себя идентифицирую: музыка народная и старинная, древние культуры — это нечто, что нору внутри и что вне слов. Ощущаю себя независимой от того, что принято в обществе. В моей повседневной жизни я проста, жизнерадостна и очень активна: всегда мне нравилось совершать и испытывать много вещей. И да: я очень упорная и независимая! Думаю, что нам, артистам, нужен определенный градус упорства. Сейчас самое главное в моей жизни — моя семья: с тех пор как родился Бруно, он произвел большую смену приоритетов, и для меня начался новый жизненный период, прекрасный и отличный от того, что я делала раньше. Мой гороскоп — Рак: родилась седьмого дня седьмого месяца».

На момент, когда я пишу эти строки, Ана выпустила еще два диска. Авторскую работу «La cantiga del fuego» («Баллада огня»), в ансамбле, с песнями-стилизациями, музыку к которым написала сама; и в марте 2015 года — альбом «Gotrasawala Ensemble» («Ансамбль Всеобщего Единения»), записанный с командой, собранной во время фестивальных поездок в Самарканд и в Индонезию («Почему Индонезия?» — спросила я; «Были авиабилеты со скидкой», — ответила она. Вот так вот!.. И, попав на тамошний фестиваль, Ана вернулась — с новой творческой командой). Последний альбом ассимилирует музыкальные впечатления, полученные в этих странах, и открывает задуманную серию альбомов «Tales of Pangea»: «Сказания Пангеи» — континента, будто бы существовавшего в мезозойскую эру.

«Полагаю, что чувство поиска недостижимого есть нечто, собственно, присущее человеку, и является одним из наших величайших двигателей в жизни», — заметила Ана в моем с ней интервью...

В ноябре 2013 года мы с Аной Алькайде встретились! Она добросовестно ответила на мои письменные вопросы (мне пока что легче писать и читать, чем говорить). Я подарила ей диски с украинскими народными песнями, скачанными мною в Интернете. Я побывала на ее очередном бесплатном концерте — ночью, в старинном замке Сан Сервандо. Ана играла и пела вместе со своим «гражданским» мужем, итальянцем Ренцо Ругьеро, тоже маэстро никельварфы. Выступала не только как скрипач и вокалист, но и как культуролог-популяризатор — с лекцией о музыкальном наследии народа сефарди.

Дивный у нее голос, хрустальной чистоты, и какой при этом мощи и полетности! Общай знакомый рассказывал мне — Ана и не думала становиться певицей, не видела в себе таких способностей, стеснялась ужасно. Но потом принялась брать частные уроки пения — и продолжает их брать. «Петь для публики, — признается она, — для этого требуются настой, выучка, отличная от инструментальной игры: ты превращаешься в передатчика истории. Этот шаг: к профессии инструменталиста присоединить еще и голос — потребовал от меня серьезной перемены и ответственной работы».

О ее концертах стали сообщать местные газеты. Жаль, что без детального «разбора полетов». Ведь Ана Алькайде — изобретательный и утонченный аранжировщик, незаурядный композитор. Ее музыкальная интуиция, ее стиливое чутье безупречны; она не устает экспериментировать — пробовала себя в Толедо с международной джазовой командой.

Ана Алькайде — не только «достопримечательность Толедо», она звезда всяя Испании. Мне бы хотелось, чтобы на Ану Алькайде обратили внимание кинематографисты: ее музыкальные стилизации того стоят, а сериалов на исторические темы в Испании снимается достаточно.

Ее уже прозвали «толедским трубадуром». Ее песенный дар сообразен характеру этого мистического города, в котором статуя Командора может явиться к вам среди бела дня в микрорайон, но женщинам которого пальца в рот не клади. «У тебя нет ощущения, что ты родилась не в свою эпоху?» — спросила я. «Да, иной раз я об этом думаю», — ответила Ана. — Было бы, наверное, уместно жить в эпоху Средних веков, хотя наверняка и тогда бы я имела основания чувствовать себя непонятой!..»

«Трубадуру Толедо» посвятила я в 2009 году стихотворение из испанского цикла «Иберийский бессмертник»:

Сефарди

Ане Алькайде, голосу Толедо

Не надейся впредь на человека,
Не вверяйся золотым запасам —
Слишком было весело, Ревекка,
На миру гореть твоим атласам.

Не ищи заступничества стражи,
Не кажи дозорам богатырским
Буйны косы цвета хлопьев саж,и
Липнущей к простенкам монастырским.

Что река вчера набормотала,
Не причти к сегодняшним затамам —
Что-то слышном чуток сон квартала
И неярки свечи по субботам.

Тонкий прах осеребрил ресницы,
Отрясен с инжиров бархатистых —
Там для государевой гробницы
Мастер высекает птиц когтистых.

А когда монаршая обитель
В небо заострилась гребешками,
Внутрь квартала вестник-истребитель
Вник, звеня казенными мешками.

Был сквозь зубы вой, сором был, сланный
Под ноги всему отребью града:
Матерь-королева нежеланный
Плод гнала из чрева Сефарда!

И опять твоей дороге виться —
Пусть уж вьетса пыль, чем это пламя!..
Ведь орел Теолога-провидца
Не приосенил тебя крылами.

Нет, не расступилось море Чермно,
Ребе скрыл, что избранность — проклятье;
Путь вершился просто и плачевно —
Лишь бы соль, не кровь, дубила платье.

Шло бездомье, стражею ведомо,
Позади же, ризами белея,
В кедровую высь Господня дома
Шла, скорбя, Мирьям из Галилеи.

...Там, где вьетса лесенка, что полов
Жилкой золотой в камнях Синая,
Уличной певуньи плещет голос:
«Что ты ищешь, женщина земная?»

Исчерпав моря, челнок разохся,
Что ты так глядишь, дитя купаю,
Как в ночи крошечной ищет солнца
Страница-луна, при нем слепая?..

Расспроси у ласточки поспешной,
Отчего краев цветущих мимо
Не к Святой земле, но к многогрешной
Стая, словно кровотока, стремима.

Мстислав Горбенко: "Нас сдружил Эверест!"

В 1990-м международная экспедиция, в составе которой были сборные команды США, СССР и КНР, покорила высочайшую вершину земного шара — Эверест. Целью акции было обратить внимание мировых лидеров на проблемы мира и оздоровление окружающей среды. Отсюда и название экспедиции: "Восхождение мира на Эверест". Возглавил команду американец Джим Уиттакер, от Украины в этой своеобразной сборной участвовал одессит — мастер спорта международного класса Мстислав Горбенко. И вот спустя 25 лет самый именитый одесский альпинист, директор альпклуба "Одесса" Мстислав Горбенко получил от американских коллег приглашение принять участие в праздновании четвертьвекового юбилея знаменательного восхождения. Как проходила встреча друзей, и что вспоминается сегодня? Об этом мы говорили с Мстиславом Мстиславовичем после его возвращения из США.

— Несмотря на языковые барьеры, непогоду, отказы оборудования, болезни и даже некоторые разногласия, наша экспедиция оказалась исключительно успешной, — вспоминает знаменитый альпинист. — За четыре дня 20 восходителей достигли вершины. Это достижение внесено в Книгу рекордов Гиннеса как самое успешное в истории покорения Эвереста. Таким образом, в 1990 году наша команда доказала, что огромные высоты могут быть достигнуты путем совместной работы, сотрудничества и дружеских отношений на пути к общей цели.

А для меня эта экспедиция была знаменательна еще и в личном плане. Дело в том, что мой сын Рустем родился с тяжелым пороком сердца. В то время необходимая ему хирургическая операция не могла быть проведена в нашей стране. И мои коллеги-альпинисты из разных стран собрали деньги, чтобы отправить сына на лечение в США. Благодаря этому Рустему сделали операцию в госпитале города Спокан. Сейчас ему 27 лет, и он чувствует себя прекрасно. "Восхождение ми-

ра на Эверест" я описал в своей одноименной книге, вышедшей в 1995 году. В ней кроме своих впечатлений я выразил глубочайшую благодарность всем принимавшим участие в спасении сына, и в первую очередь — Джиму Уиттакеру и его жене Даян, которые так помогли нам в нашей беде...

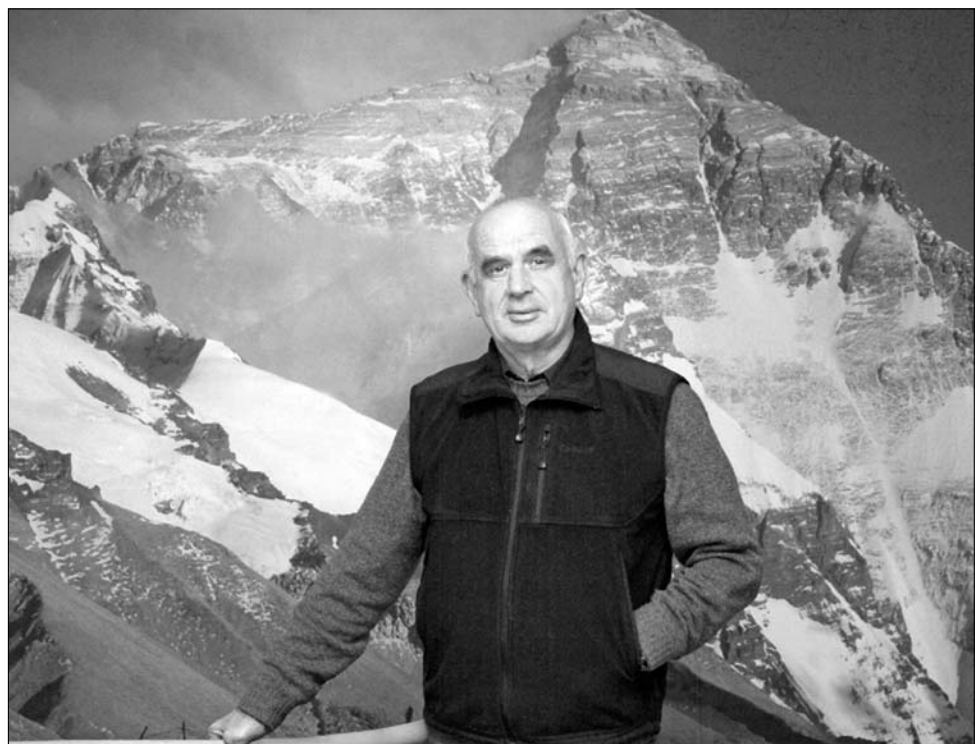
Старые друзья собрались в столице альпинизма США — Сиэтле, а затем переехали в Национальный парк "Рейнир", где в 1989 году они совершили восхождение на вершину Рейнир. Здесь 21 сентября, в Международный день мира Организации Объединенных Наций, прошла официальная церемония.

— Спустя столько лет мы встретились снова, — рассказывает Горбенко. — Владимир Шатаев и Александр Токарев из России, Эрванд Ильинский и Андрей Целищев из Казахстана, белорус Эдуард Липень, американцы Роберт Линк, Стив Холл, Марк Таккер, Лаверн Вудс и я, представитель Украины. К сожалению, не приехал Эд Вистурс, который стал первым американцем, покорившим все 14 восьмитысячников без применения кислорода.

В аэропорту Сиэтла нас встречал президент Игр доброй воли 1990 года Боб Уолш, который 25 лет назад вручил нам, восходителям на Эверест, награды почетных участников Игр, ведь наша экспедиция совершалась в рамках этого грандиозного спортивного праздника.

Вечером, когда собрались все участники встречи, нас приветствовали руководитель экспедиции, легендарный американский восходитель Джим Уиттакер и председатель оргкомитета Даян Роберте. В свои 86 лет Джим по-прежнему в прекрасной форме и все семь дней лично руководил программой нашего пребывания в США.

Особенно запомнились встречи в огромном альпинистском клубе "Восходитель" в Сиэтле и горный фестиваль в базовом лагере на склонах горы Рейнир. Взаимопонимание, как и 25 лет назад, было возможным и без хорошего знания английского языка, ведь речь шла об альпинизме и о сохранении мира на Земле. Мы демонстрировали фильм и слайды о нашем восхождении на Эверест, делились воспоминаниями и, конечно, помянули наших товарищей, которые не вернулись с гор: Екатерину Иванову, Григория Луныкова,

Мстислав Горбенко. Фото Олега Владимировского.

Сергея Арсентьева, Анатолия Мошникова и, конечно же, моего друга Скотта Фишера — известного американского восходителя, который жил в Сиэтле и погиб на Эвересте в 1996 году. Тогда три экспедиции, покорявшие неприступную вершину, во время спуска попали в страшный буран, и свою смерть на Горе нашли восемь человек.

Об этом трагическом для мирового альпинизма событии режиссер Бальтасар Кормакур снял приключенческий фильм "Эверест", мировая премьера которого прошла в рамках нашей юбилейной встречи. Для меня эта премьера была не просто просмотром фильма с последующей пресс-конференцией, а виртуальной встречей с моими добрыми знакомыми — Скоттом Фишером, Робом Холлом, Анатолием Букреевым и Эдом Вистурсом, ставшими героями фильма.

В свое время мы со Скоттом разработали программу обмена между нашими альпинистскими клубами. В 1989 году он посетил Одессу и был принят тогдашним мэром Одессы, ныне — президентом альпклуба "Одесса" Валентином Симоненко.

С Робом Холлом мы встречались при драматическом восхождении на К2 в 1994 году. Анатолия Букреева я знал по сборной СССР. С Эдом Вистурсом мы в одной связке восходили на Эверест в 1990 году.

В фильме отлично показаны природа Непала, Катманду, воздушные ворота в Гималаи — аэропорт Лукла, столица шерпов Намче-Базар, сам Эверест и его окружение. Создается впечатление своего присутствия в этих высоких горах.

Но есть и недостатки. В фильме, на мой взгляд, не раскрыты причины гибели альпинистов, неверно показан образ Скотта Фишера — очень спортивного и ответственного альпиниста, который вместе с Робом Холлом были пионерами в высотном коммерческом альпинизме.

Многие меня спрашивают, кто виноват и кто прав в этой трагедии. Отвечу, что у каждого героя фильма была череда своих ошибок, которые на фоне страшного урагана привели к гибели как опытных альпинистов, так и их клиентов. Невозможно дать объективную оценку их действиям не только по фильму, но даже перечитывая известные книги Джона Кракауэра и Анатолия Букреева. Очень верно написал журналист Юрий Рост в известной книге "Эверест-82": "Эверест — это судьба, которую выбирает себе человек. Сколько бы счастливых судеб ни было раньше, как бы предусмотрителен и подготовлен ни был альпинист, какими бы совершенными ни были помогающие ему технические средства, он не знает своей судьбы на Горе".

Возвращаясь к теме моего Эвереста, я хочу процитировать слова Джима Уиттакера, который объяснил, почему он решил нас собрать в этот юбилейный год: "Мне хотелось напомнить на примере нашей экспедиции, что Эверест при хорошей продуманной тактике восхождения, отличной физической и технической подготовке не является горой-трагедией, а просто самой высокой горой на Земле. Так много трагедий и смертей на Эвересте в последнее время, что хочется показать эту вершину как положительный символ".

Сказка моего пребывания в Каскадных горах быстро закончилась, но на обратном пути я навестил в Нью-Йорке моего старого друга — одесского альпиниста, напарника по многим восхождениям Бориса Шамракова. В это же время в Америке был с визитом Папа Римский, поэтому у меня и возникла такая ассоциация: меня принимали, прямо как Папу! Я еще раз убедился, что альпинизм дарит нам не только испытания в горах, а и дружбу на долгие годы!

Сергей ОСТАШКО.

Экспедиция в базовом лагере под Эверестом (5100 м)

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.